

ТАЙНЫ ЕМИРЫ

ДЖЕЙМС
ПЕРКИНС

ИГРА
ПРЕСТОЛОВ
ПО-АНГЛИЙСКИ

ЭПОХА
ЕЛИЗАВЕТЫ I

Тайные миры

Джеймс Перкинс

**Игра престолов по-
английски. Эпоха Елизаветы I**

«Алисторус»

2023

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Перкинс Д.

Игра престолов по-английски. Эпоха Елизаветы I / Д. Перкинс —
«Алисторус», 2023 — (Тайные миры)

ISBN 978-5-00222-108-0

Эпоха Елизаветы I Тюдор – один из самых бурных периодов в истории Англии, когда шла ожесточенная борьба за власть между благородными семьями, борющимися за контроль над английским тронном. Помимо представителей рода Тюдоров, в ней участвовали и другие особы королевской крови, а также английская знать. Все эти события отражены в книге Дж. Перкинса, который остановился на трех самых драматических эпизодах этой борьбы: женитьбе Генриха VIII на Анне Болейн, ради чего Генрих пошел на опаснейший конфликт с всемогущей римской церковью; заговоре Елизаветы, младшей дочери Генриха и будущей королевы, против ее старшей сестры Марии, прозванной Кровавой; противостоянии Елизаветы и Марии Стюарт, имевшей все права на престол. Взяв за основу реальные исторические факты, автор по-своему представил их, так что получилась настоящая игра престолов на английский манер.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-00222-108-0

© Перкинс Д., 2023
© Алисторус, 2023

Содержание

Предисловие	6
Измена Анны Болейн королю Генриху VIII	8
Часть 1. Государственный Совет	8
Часть 2. Королевская охота	15
Часть 3. Письмо королевы Екатерины	22
Часть 4. Заседание парламента	37
Часть 5. Развод	46
Часть 6. Праздник во дворце	65
Часть 7. Реформы и казни	71
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Джеймс Перкинс
Игра престолов по-
английски. Эпоха Елизаветы I

© ООО «Издательство Родина», 2023

Предисловие

Эпоха Тюдоров – один из самых бурных периодов в истории Англии. Генрих VII, основатель дома Тюдоров, стал королем Англии, победив Ричарда III («хромоногое чудовище», как его называли) в битве при Босворте, кульминации войн Алой и Белой розы. Гражданская война на этом окончилась, но продолжалась ожесточенная борьба за власть между благородными семьями, борющимися за контроль над английским тронном. Помимо представителей самого рода Тюдоров, в ней участвовали и другие особы королевской крови, а также английская знать.

Положение осложнялось религиозными разногласиями: у Генриха VIII, Эдуарда VI, Марии I и Елизаветы I были разные подходы: Генрих VIII отказался признавать власть римского папы и сам стал главой англиканской церкви, но допускал католические обряды, его сын Эдуард VI придерживался строгого протестантизма; Мария, старшая дочь Генриха, пыталась восстановить католицизм, а Елизавета, младшая дочь Генриха VIII, достигла компромисса в этом вопросе.

Религиозные преобразования сопровождались широкими реформами в хозяйстве и социальных отношениях, проводившимися чрезвычайно жестко и предопределившими развитие Англии по буржуазному пути, а началось все с настойчивых требований Генриха VIII об аннулировании его брака с Екатериной Арагонской, которые папа Климент VII отказался удовлетворить. Формальным предлогом для развода с Екатериной было отсутствие у нее и Генриха наследников мужского пола, однако у короля были и личные причины для разрыва с женой: он был страстно влюблен в молодую леди Анну (Энни) Болейн, на которой хотел жениться во что бы то ни стало.

Выступление против всемогущего Рима и стоявшей за ним католической Священной Римской империи (Екатерина Арагонская была из рода Габсбургов, правивших этой огромной державой, охватывавшей почти всю Европу и земли Нового Света) было смертельно опасным шагом с далеко идущими последствиями, однако Генрих пошел на него. Монастыри, в которых находились религиозные и благотворительные учреждения, были закрыты, а их земли были проданы друзьям короля, в результате чего образовался большой и богатый класс, «новые дворяне», поддерживавшие Генриха.

Католическая оппозиция, однако, не смирилась: после смерти Генриха VIII и короткого правления Эдуарда VI, умершего в молодых годах, католики взяли реванш в период правления Марии I, когда протестантская вера была фактически запрещена, а протестанты подверглись казням. В свою очередь, протестанты пытались возвести на престол Елизавету, младшую дочь Генриха, убежденную сторонницу Реформации.

После смерти Марии, умершей бездетной, Елизавета стала королевой Англии. Ее правление считается «золотым веком» в английской истории, но и при Елизавете I борьба за престол не прекратилась: главной соперницей Елизаветы была ее кузина Мария Стюарт, ревностная католичка. Ко всему прочему, Елизавета считалась незаконнорожденной, поскольку брак Генриха с ее матерью Анной Болейн не был признан римской церковью, а сама Анна была казнена по обвинению в супружеской измене Генриху.

* * *

Все эти события отражены в трилогии Дж. Перкинса. Взяв за основу реальные исторические факты, автор по-своему представил их, что особенно заметно в первой части «Измена Энни Болейн королю Генриху». Автора занимала не столько любовная драма, ставшая поводом к коренным изменениям в жизни Англии, сколько глубокие причины этих изменений. Ключе-

вой фигурой стал мастер Хэнкс, ближайший помощник короля, отчасти списанный с Томаса Кромвеля, первого советника Генриха VIII, главного идеолога английской Реформации.

Умный и циничный, давно потерявший веру в людей, Хэнкс убежден, что людские пороки не исправить, как бы этого ни хотелось сэру Томасу, лорд-канцлеру – прообразом его стал Томас Мор, автор знаменитой «Утопии», выступивший против реформ Генриха и казненный за это.

Хэнкс поддерживает реформы потому, что они более всего соответствуют порочной людской натуре, а значит, естественны и необходимы. Но чтобы государство не погрузилось в хаос, нужна сильная центральная власть, олицетворением которой является король Генрих. Хэнкс верой и правдой служит ему, – скорее, даже не служит, а заставляет делать то, что нужно.

Генрих же живет исключительно своим страстями и капризами. Он безжалостно поломал судьбу Анны Болейн, любящей другого человека, а когда эта любовь открылась, казнил Анну. Она показана Перкинсом как юная чистая девушка, далекая от интриг: она просто хочет любить, и быть любимой – вот и все ее преступление.

Надо заметить, что историки до сих пор спорят о том, какой была Анна Болейн на самом деле, и изменила ли она Генриху. Трактовка этой драмы Перкинсом, возможно, далека от реальности, но нельзя забывать, что исторический роман – это не история в научном понимании, по нему нельзя изучать ее. Исторический роман – вымысел автора, полет его фантазии; события показаны не такими, какими они были в действительности, а такими, как их увидел автор. Пикассо говорил, что искусство это ложь, но оно помогает понять правду.

* * *

Вторая и третья части трилогии Перкинса более близки к тому, что показывается обычно в исторических трудах. В 1554 году протестант Томас Уайетт составил заговор против Марии I: целью заговорщиков была передача короны Елизавете, однако следователи Марии не смогли выбить из арестованных заговорщиков каких-либо свидетельств против Елизаветы.

Мария заточила Елизавету в Тауэр, но сохранила ей жизнь. Здесь же, в Тауэре, был заключен друг детства Елизаветы – Роберт Дадли, который одно время был близок к Марии, но обвинен в сочувствии к заговорщикам. Существует версия, что Елизавета и Роберт Дадли общались во время прогулок во внутреннем двореке Тауэра, и между ними возникла взаимная симпатия, позже переросшая в настоящую любовь.

Третья часть трилогии повествует о попытке Марии Стюарт свергнуть Елизавету, когда та была уже королевой. Мария по-прежнему оставалась претенденткой на английский престол, отказываясь отречься от своих прав, что беспокоило Елизавету. В Англии Мария содержалась под наблюдением в Шеффилдском замке. Там она была отрезана от своих друзей и медленно старела в одиночестве.

Тем не менее, Мария не переставала интриговать против Елизаветы I, и само имя Марии Стюарт, законной правнучки короля Генриха VII, активно использовалось заговорщиками против Елизаветы. В 1586 году не без участия Фрэнсиса Уолсингема, фактически возглавлявшего тайную полицию Елизаветы, и Эммиаса Паулета, тюремщика Марии Стюарт, последняя оказалась вовлеченной в переписку с Энтони Бабингтоном, агентом католических сил, в которой Мария поддержала идею заговора с целью убийства Елизаветы. Однако заговор был раскрыт, и переписка попала в руки Елизаветы.

Мария Стюарт была приговорена к казни и обезглавлена. Она была похоронена в соборе Питерборо, а в 1612 году по приказу ее сына Якова, который стал королем Англии после смерти Елизаветы I, останки Марии Стюарт были перенесены в Вестминстерское аббатство, где были захоронены в непосредственной близости от могилы ее вечной соперницы, королевы Елизаветы.

Измена Анны Болейн королю Генриху VIII

Часть 1. Государственный Совет

Путь от часовни до личных покоев короля проходил через длинную галерею, где обычно толпились придворные, желавшие лишний раз показаться перед своим государем, и всякого рода просители, попавшие во дворец по протекции или за взятку. Король Генрих ненавидел эту галерею: пройдя через нее, он лишался даже той жалкой частицы религиозного чувства, которую давала ему утренняя молитва. Людские дела были столь далеки от идеалов веры, что религия начинала казаться Генриху фантазией, имеющей мало общего с реальностью. Подобные мысли пугали короля, он мрачнел и с трудом скрывал раздражение, охватывавшее его при виде просителей и придворных.

В то же время его жена Екатерина милостиво улыбалась народу, находясь в прекрасном расположении духа после заутрени. Королева лишь в периоды собственных неудач замечала несоответствие между тем, что говорили священники в церкви, и тем, что было в реальной жизни. Тогда она плакала и обвиняла причинивших ей огорчение людей в несоблюдении религиозных заповедей и в отступлении от веры. Своим доверенным фрейлинам королева шепотом поясняла при этом, что главным виновником всех бед, происходящих с королевством и лично с ней, королевой, является, конечно же, сам король, известный вольнодумец и циник.

Генриха возмущали выпады Екатерины против него. Он женился на ней не по любви, а из высших государственных интересов; из подобных соображений и она вышла за него замуж. В отношениях с женой король старался соблюдать правила, основанные на принципах взаимного уважения и невмешательства в жизнь друг друга, однако Екатерина постоянно нарушала эту договоренность, и часто вела себя враждебно в отношении Генриха. Ее женские обиды самым причудливым образом перемешивались с присущим Екатерине религиозным фанатизмом, создавая ядовитую смесь ненависти и презрения к мужу, которая стала непереносима для него в последние месяцы.

Портрет Генриха VIII. Копия с фрески Г. Гольбейна.

* * *

Простившись с Екатериной у дверей своих личных покоев, Генрих не смог сдержать облегченного вздоха, не оставшегося незамеченным членами Королевского Совета. Многозначительно переглядываясь, они проследовали за королем в зал гобеленов, где Генрих обычно отдыхал после заутрени. Здесь слуги быстро и ловко сняли с короля тесное жабо, распустили шнуровку на камзоле и ослабили подвязки на чулках. Генрих грузно опустился в большое кресло, вздохнул еще раз и сказал своим приближенным:

– До чего не люблю я современную моду! Чертовы чулки с подвязками сжимают ногу, как «испанский сапог». Камзол не дает дышать, а жабо, мало того что давит горло, так еще не позволяет повернуть голову. Тому, кто телом тощ, и то нелегко, а каково мужчине дородному, да тучному, – такому, как мне. Кровь приливает к затылку, в глазах темнеет, а лодыжки так болят, что начинаешь хромать, подобно нищему калеке.

Члены Совета сочувственно поддержали его:

– Вы правы, ваше величество! Ужасная мода!

– Ужасная. Да, ужасная, – повторил Генрих. – Одно, хорошо, господа, – буфы широкие, не стесняют задницу, и гениталии также не стеснены. Это очень важно для продолжения рода, чтобы гениталии не были стеснены, мне ведь еще предстоит обзавестись наследником. У меня есть дочь, а мне нужен сын – принц и будущий король... Сэр Джеймс, вы хотите мне что-то сказать? Говорите.

Вперед выступил человек выше среднего роста, скорее молодой, чем зрелых лет. Почтительно поклонившись королю, сэр Джеймс потрепал свою изящную темную бородку и вкрадчиво проговорил:

– Ваше величество, то, что я сейчас скажу, вы можете счесть неслыханной дерзостью, оскорблением королевской власти, даже государственным преступлением, но моя совесть и мое чувство долга побуждают меня сказать вам это, даже если моя голова будет срублена палачом и выставлена на всеобщее обозрение на мосту.

– Ближе к делу, милорд, ближе к делу! Потом решим, что делать с вашей головой, – сказал король.

– Позвольте мне сообщить вам о том, о чем со скорбью сердечной думают все подданные вашего величества: ее величество королева недостойна вас. Она не способна оценить ваши достоинства, государь. Такому выдающемуся королю, как вы, подобает жена под стать вам, – я имею в виду, конечно, ваши душевные качества, а не телесную оболочку.

– Вы, действительно, дерзки! Высказываться подобным образом о моей жене, об особе королевской крови. Неслыханная наглость!.. – Генрих поерзал в своем кресле. – Впрочем, продолжайте, я всегда готов услышать слово правды, как бы горько оно не звучало.

– Вы – образец государя, чего никак нельзя сказать о ее величестве, – продолжал сэр Джеймс. – Интересы ее родной страны ближе королеве, чем интересы нашего государства.

– Так вот как думают мои подданные!

– Они страдают от несправедливости к вам судьбы, ваше величество. Денно и ночью они молятся о вашем благополучии.

– Но что вы предлагаете?

– О, ваше величество, смею ли я советовать вам?

– Бросьте, милорд! Для чего же я включил вас в состав Королевского Совета, как не для того чтобы вы мне советовали?

– В таком случае, я рискую потерять ваше доброе ко мне расположение, но я должен посоветовать вам расстаться с вашей женой для того чтобы связать свою жизнь с другой, более достойной особой, – решительно произнес сэр Джеймс.

– Бог мой! Вы, должны быть, сошли с ума, достопочтенный сэр! Мне расстаться с королевой? Это невозможно, немислимо! Как я могу оставить ее? – возмутился Генрих. – К тому же, для этого надо иметь веские основания. Вы, наверное, забыли, что разрешение на развод мне может дать только сам святейший папа, а он теснейшим образом связан с моим тестем-императором, и никогда не пойдет против его воли.

– Однако у вас есть причина для развода... – сэр Джеймс сделал паузу, глядя на короля.

– Что за причина?

– Веская причина. Причина, о которой вы сами изволили упомянуть, причина, вызывающая тревогу во всем нашем королевстве...

– А! Отсутствие наследника, – догадался Генрих. – Да, причина действительно веская. Мне кажется, в истории королевских семей были подобные прецеденты?

– Безусловно, ваше величество. Я могу составить соответствующий меморандум.

– Благодарю вас, милорд. А что думают другие члены Совета? – Генрих посмотрел на них.

– Сэр Джеймс прав. Ваше величество, конечно, не может остаться без наследника, – согласно закивали головами члены Совета.

– Но я вижу, что сэр Томас молчит. Сэр Томас, мне бы хотелось услышать ваше мнение, – сказал Генрих.

Сэр Джеймс, низко склонившись перед королем, отступил назад, и место перед королевским креслом занял сэр Томас.

– Отчего у вас печальное лицо, дорогой сэр Томас? – спросил король. – Несмотря на некоторые сложности, дела в нашем государстве идут неплохо. Отчего же вы так грустны, милорд?

На бледном лице сэра Томаса промелькнуло некое подобие улыбки.

– Ваше величество, я польщен тем, что вы проявили внимание ко мне, но боюсь мне нечем вас порадовать.

– Ну, я и не жду от вас развлечений! – усмехнулся Генрих. – Вы – не акробат, забавляющий публику ловкостью своего тела, не актер, заставляющий нас поверить в игру выдуманных страстей, и не музыкант, веселящий наши сердца мелодичными звуками. Вы дороги нам как человек острого ума и обширной эрудиции, как человек, обладающий большим государственным опытом и глубоким знанием жизни. Ваши советы всегда ценны для нас, даже если они не вызывают удовольствия. Я знаю, вы сторонник философии стоиков, и во многом я с вами согласен, но вы чересчур мрачно смотрите на мир, – чересчур мрачно, говорю я вам! Есть в нашем мире и светлые стороны, уверяю вас!.. Впрочем, я спрашивал вашего совета насчет моего развода, если помните.

Среди членов Совета послышались смешки. Сэр Томас не повел и бровью; выпрямившись во весь свой невысокий рост, он произнес холодным официальным тоном:

– Что касается вашего развода, ваше величество, то я считаю его неосторожным и необдуманным шагом, вредным и опасным для государства.

Члены Совета возмущенно заохали и начали шептаться, а сэр Джеймс иронически засмеялся.

– Сохраняйте тишину, уважаемые господа! – повысил голос король. – Продолжайте, сэр Томас, мы с нетерпением хотим услышать ваши аргументы.

– Слушаюсь, ваше величество, – поклонился он. – Итак, во-первых, развод с королевой приведет к неизбежному конфликту с ее отцом, императором, что может вызвать войну с сильнейшим государством мира, войну, в которой мы не имеем никаких шансов на победу. Полагаю, не нужно объяснять, какие итоги будет иметь эта война для нашего королевства. Во-вторых, развод вашего величества с королевой никогда не будет разрешен святейшим папой. Как

вы верно заметили, папа теснейшим образом связан с императором и поэтому не позволит вам развестись с королевой. Если же вы пойдете на разрыв отношений с его святейшеством, то это приведет вас к отлучению от церкви, что восстановит против вашего величества большую часть ваших подданных. В стране произойдут беспорядки, которые могут вызвать новую междоусобную войну, и это тогда, когда мы еще не оправились от последствий прежней междоусобицы!

– Сэр Томас сильно сгущает краски. Он хочет запугать нас, – громко прошептал сэр Джеймс.

– Если же вы, ваше величество, будете сохранять хотя бы видимость добрых супружеских отношений с королевой, то мы не только избежим всего того, о чем я сказал, но достигнем процветания и могущества, ибо все необходимые предпосылки для этого у нас есть, – продолжал сэр Томас. – Добавлю, что негативное влияние ее величества на дела вашего королевства и ее попытки проводить здесь политику, отвечающую интересам императора, можно легко нейтрализовать, поскольку королева, как справедливо заметил сэр Джеймс, не любима народом, и не имеет поддержки ни в ком, кроме своих ближайших фрейлин. Следовательно, сохранение вашего брака – благо для королевства, развод – зло для него.

– Да, есть о чем задуматься, – сказал Генрих, покачав головой. – Что же, благодарю всех за помощь и более не задерживаю. Я хочу побыть один.

* * *

Когда все ушли, он тяжело поднялся с кресла, подошел к одному из гобеленов и нажал на рычаг, спрятанный за ним. В простенке между гобеленами открылась потайная дверь, и из нее вышел крепкого телосложения человек в одежде простого горожанина.

– Вы все слышали, мастер Хэнкс? – спросил его Генрих.

– Конечно, ваше величество.

– Кто прав – сэр Джеймс или сэр Томас?

– Оба не правы, – коротко ответил Хэнкс.

– Вот как? Почему? – удивился Генрих.

– Сэр Джеймс не прав в том, что святейшего папу удастся уговорить. Папа не даст разрешения на ваш развод с королевой.

– Значит, прав сэр Томас. Он говорил именно об этом.

– Нет, сэр Томас тоже не прав. Если вы без позволения папы разведетесь с королевой, то не будет ни войны с императором, ни серьезных беспорядков внутри страны, – твердо сказал Хэнкс.

– Откуда у вас такая уверенность, мастер Хэнкс?

– Ваше величество, я состою на вашей секретной службе и получаю от вас жалование как раз за то, чтобы с уверенностью отвечать на ваши вопросы, – с легкой усмешкой ответил Хэнкс.

– Хорошо. Но объясните мне, почему не будет войны, и не будет беспорядков? – нетерпеливо произнес Генрих.

– Войны не будет от того, что императору теперь не до нас. Подчинив себе половину мира, он должен постоянно заботиться об удержании своих земель в повиновении, что совсем просто. То там, то тут у него случаются всяческие неприятности, и он вынужден посылать свои войска и флот то в одну, то в другую страну. Сейчас, например, император пытается излечить чрезвычайно болезненный процесс, поразивший подбрюшье его континентальных владений. Поэтому до тех пор, пока мы не будем представлять собой непосредственную угрозу могуществу империи, ваш тесть не начнет войну против нашего королевства. Возможно, император предпримет какие-то вылазки против нас, но до широких военных действий дело не пойдет.

– Убедительно, – сказал Генрих. – Ну, а папа и отлучение от церкви?

– Отлучение вашего величества от церкви, видимо, случится, но оно не вызовет смуты в государстве. Папская власть уже не та, что была раньше, – ее святость померкла, а сила ослабла. Самое же главное, что на удовлетворение своих прихотей папам требуется все больше и больше денег. Согласитесь, ваше величество, что дворцы, ювелирные украшения, роскошная мебель, дорогие ткани, изысканная еда и прочие приятные мелочи жизни стоят немало, а добавьте к этому многочисленных любовниц и любовников или страсть последнего папы к породистым лошадям и бойцовым собакам. Отсюда вполне понятное стремление папского престола нажиться любыми способами. Выбор между Богом и Мамоной сделан папской церковью в пользу последнего. Сомнительные торговые сделки, покровительство бандитам и пиратам, взимание платы за церковные таинства, отпущение грехов за деньги дополняются увеличением поборов с народа и безжалостной борьбой со всеми недовольными. В результате люди теряют веру в то, что церковь служит Христу; повсюду брожение умов и расколы. Римский пастырь теряет своих овец, и их подбирают другие пастухи.

– Мой Бог! Что вы такое говорите, мастер Хэнкс! От ваших слов пахнет костром, – нахмурился Генрих.

– Я обязан докладывать вашему величеству о настроениях в обществе, – невозмутимо ответил Хэнкс.

– Не желаю вас слушать! Отправляйтесь в часовню и молитесь, чтобы Господь утвердил вас в вере! – Генрих замахал на него руками.

– Как прикажете, ваше величество.

– Пойдите! – остановил его Генрих. – Скажите мне, в чем причина заблуждений сэра Джеймса и сэра Томаса?

– Они не заблуждаются, ваше величество, они слишком умны для этого.

– Стало быть, они лгут?

– Политики никогда не лгут, ваше величество, потому что у них нет понятий о правде и неправде. Политиком движет расчет – для них истинно то, что им выгодно.

– Какой же расчет движет сэром Джеймсом?

– Сэр Джеймс является фактическим предводителем тех ваших подданных, которые добились власти и богатства после смуты в королевстве. Они не хотят делиться своими доходами и своим влиянием с остатками прежней знати и с церковью, поэтому им выгодна ваша ссора со святейшим папой, который поддерживает, как известно, старые порядки. Эти люди станут вашей верной опорой в борьбе за создание нового уклада жизни в государстве.

– Хорошо, а что касается сэра Томаса? У него какие тайные мотивы? – спросил Генрих недоверчиво.

– Сэр Томас устал от реальности и впал в мечтательность. Он считает, что людские пороки можно исправить, если людей постоянно направлять к лучшему. Государство под властью Церкви, при избавлении от нынешних недостатков, сэр Томас полагает идеальной системой устройства общества, в котором будет достигнуто духовное единение людей под властью мудрого правителя.

– И кого он видит в роли такого правителя?

– Боюсь, что не вас, ваше величество, – ответил Хэнкс.

– Опасные мечтания, – недовольно сказал король. – И много моих подданных поддерживают сэра Томаса?

– О, нет, совсем немного, – ответил Хэнкс со странной улыбкой.

– Я, однако, не понимаю, как мы станем жить без папского благословения, – проговорил король, помолчав минуту. – Ну ладно, на сегодня довольно разговоров о делах! Вы почтите своим присутствием завтрашнюю королевскую охоту, уважаемый мастер Хэнкс?

– Среди благородных господ не место простолоудину, – сказал Хэнкс.

– Если вы достойны компании короля, то тем более достойны компании его слуг, – настаивательно проговорил Генрих. – Впрочем, не настаиваю, зная вашу нелюбовь к публичным собраниям. До свидания, мастер Хэнкс!

– Да хранит Господь ваше величество! – склонился перед королем Хэнкс.

* * *

Дождавшись, когда он выйдет, Генрих достал из ящика массивного дубового стола маленький овальный портрет с изображением миловидной девушки и долго смотрел на него.

– Политика, расчет, выгода... Любовь, любовь, любовь – вот что правит миром! – пробурчал Генрих. – Какая красота, какое совершенство, какое изящество! Разве можно сравнить ту и эту? Пока Екатерина была молода, я еще находил в ней некоторую привлекательность, особенно в тех частях тела, что скрыты под платьем: у нее крепкие красивые ягодички, а грудь, хотя и мала, но упруга. Я женился на Екатерине не по любви, но любовь все равно взяла себе дань; видит Бог, я исполнял свои супружеские обязанности с должным усердием! Однако Екатерина в постели всегда была холодна, как зимний день, и принимала мои ласки лишь по обязанности жены. Конечно, я мог обладать ею по праву мужа, но кому понравится ласкать бесчувственное тело, которое, к тому же, безвременно увяло и состарилось.

Перестав быть единой плотью, мы с Екатериной окончательно стали чужими людьми, потому что душою мы всегда были чужими. Пусть Господь рассудит, кто из нас прав, кто виноват, но клянусь всеми святыми, дальнейшая супружеская жизнь с Екатериной для меня невозможна! – Генрих стукнул кулаком по столу. – Если бы моя супруга была только сварлива, капризна, плаксива и переменчива, я бы легко все это вытерпел: есть ли на свете женщина, которая не была бы такой? Что делать, такими их создал Бог! Но Екатерина, помимо всего прочего, пытается возвыситься надо мной, сделать из меня покорного исполнителя ее воли и взять в свои руки управление моим королевством. Она распускает сплетни обо мне, ведет интриги и составляет заговоры против меня. Во имя чего я должен терпеть такую жену?

А эта, другая... – Генрих снова посмотрел на портрет. – Как она хороша: живой взгляд, милое доброе лицо, очарование молодости и красоты! Представляю, какое стройное у нее тело, какие восхитительные формы... Ну, не будем об этом, слишком волнительно... К дьяволу все политические расчеты, я хочу жениться на ней, – и я на ней женюсь!

Часть 2. Королевская охота

Более трехсот человек выехали ранним утром на королевскую охоту. Кроме приглашенных королем господ и пожелавших сопровождать их дам, кроме загонщиков и егерей, с ними ехали многочисленные слуги, которые должны были обслуживать пир на природе, повара, чтобы порадовать благородное общество вкусным и обильным обедом, а также музыканты и актеры, призванные увеселять короля и его гостей.

Длинная процессия проехала через сонный город и направилась к обширному лесу, находившемуся в двух часах езды от Лондона. Пригородные луга, поля и огороды были скрыты белесым туманом, сырым и зябким, наполненным запахами мокрой травы, земли и дыма, поднимающегося из труб крестьянских хижин, – последние погожие дни осени были коротки и быстротечны, поэтому поселяне вставали перед рассветом, чтобы закончить полевые работы уходящего года.

Не привыкшие рано просыпаться придворные дремали в повозках и седлах своих лошадей; дамы дрожали от холода и кутались в меховые плащи. Не было слышно ни разговоров, ни шуток, ни смеха, обычных для большой компании, – лишь стук колес повозок, цоканье подков лошадей и бряцание плохо уложенной поклажи нарушали утреннюю тишину.

Но когда кавалькада приблизилась к лесу, солнце уже поднялось над деревьями, и туман начал быстро рассеиваться. На багряных, оранжевых, желто-зеленых листьях деревьев засверкали тысячи капель росы; сначала робко и неуверенно, а потом все громче и громче запели птицы; прозрачный осенний воздух, пронизанный солнечными лучами, чуть дрожал, переливаясь всеми оттенками пышного увядания природы.

Охотники оживились и с веселым шумом подъехали к большой поляне, на которой было решено разбить походный лагерь.

– Богиня Флора прекрасна даже во время своего угасания... Да, но Венера всегда молода!.. А Купидон – и вовсе мальчишка, – переговаривались кавалеры.

Дамы, улыбаясь им, успевали шептаться между собой:

– Природа, конечно, прекрасна, но, согласитесь, что в плане удобств... Ах, не напоминайте, мне уже давно надо отойти!.. А у меня юбка сбилась, нужно поправить, а где?..

Пока слуги расставляли шатры, столы, стулья и кресла, вынимали посуду, вино и закуски, егеря произвели поиск в окрестных зарослях и доложили королю, что видели свежие олени следы неподалеку от поляны.

– Джентльмены, добыча рядом, – сказал Генрих. – Я имею в виду оленей. Приступим, и да поможет нам богиня Диана загнать их!

* * *

Генрих направился по указанному егерями направлению с таким расчетом, чтобы оказаться у оленей на пути. Несмотря на свою грузность, король прекрасно держался в седле; он пустил лошадь крупной рысью, ловко увертываясь от низких веток деревьев, норовивших сбить его наземь.

Сделав широкий полукруг, охотники оказались в мелком перелеске, в который, по мнению егерей, должны были выйти олени, спасающиеся от загонщиков. Встав по ветру, король и дворяне замерли, вглядываясь туда, откуда доносились звуки облавы; чем ближе она подходила, тем томительнее становилось ожидание, и тем больше разгорался азарт, одолевавший охотников.

– Черт возьми, вдруг олени уйдут через болото? – не выдержал один из молодых дворян.

На него зашикали, а король недовольно покачал головой. Наконец, на опушку дубравы выбежали два оленя: самка и самец с мощными рогами. Они настороженно принюхивались к запахам перелеска, расстилающегося перед ними, и испуганно пряли ушами, вздрагивая от криков загонщиков и собачьего лая. Если бы не облава, олени, наверное, уловили бы опасность и не попали в засаду, но сейчас у них не было выбора, – они побежали в перелесок, прямо на охотников.

Увидев оленей, Генрих опустил пику наперевес, ударил плетью свою лошадь и галопом бросился им навстречу. В тот же миг животные, заметив угрозу, резко свернули в сторону и большими прыжками, не разбирая дороги, попытались уйти от охотников.

– Бычок мой, а телка ваша, джентльмены! – прокричал Генрих дворянам, не оборачиваясь к ним. – Егеря, дьявол вас заберите, не давайте оленю заваливать влево! Он может по краю леса обойти облаву! – прибавил он, отчаянно стараясь догнать свою жертву.

Олень метался и прыгал, стараясь вырваться из смертельного кольца, но скоро был обложен и прижат к непроходимому густому кустарнику, сквозь который он не смог пробиться, хоть и прыгал на него всей грудью. Тогда олень, тяжело дыша и роняя пену с губ, остановился, повернулся к своим мучителям, обвел их ненавистным взглядом налитых кровью глаз, опустил рога и с трубным ревом пошел в последний бой в своей жизни. Егеря закричали и хотели выстрелить в оленя, защищая короля, но Генрих остановил их:

– Не мешать! Он – мой! – и мощным ударом пики пробил оленю шею.

Олень захрипел, захлебнулся кровью, рванулся было вперед, но в тот же миг пошатнулся и упал на землю, ломая кусты. Король спрыгнул с лошади, выхватил кинжал и подбежал к поверженной жертве. Олень еще пытался встать с земли, дергая ногами и поднимая голову; увидев своего убийцу, он сначала забился еще сильнее, а потом вдруг замер и со смертной тоской посмотрел на Генриха.

Генрих, торжествуя, мгновение постоял над ним, чувствуя свою силу и превосходство, а затем добил его.

– Отличный выпад, ваше величество! Вы прекрасно владеете и пикой, и кинжалом! Да здравствует король! – восторженно воскликнули егеря.

– Да, удачная вышла охота, – возбужденно сказал Генрих. – Каков красавец! – прибавил он, пнув оленя ногой. – Матерый бычок. До конца боролся за свою жизнь... Глядите: у него слезы на глазах, вот до чего не хотел умирать! Все, как у людей... Интересно, как дела у моих достопочтенных джентльменов? Затравили они телку?

– Да, ваше величество. Я видел, как они ее убили, – ответил один из егерей.

– Хорошо. Славная сегодня вышла охота, – повторил Генрих, усаживаясь на коня.

* * *

Возвращение охотников вызвало неподдельный восторг у королевской свиты, заждавшейся на поляне. Музыканты заиграли веселую бравурную мелодию, а проголодавшиеся придворные жадно разглядывали добычу, предвкушая вкусное жаркое. Однако, поскольку на приготовление оленины нужно было много времени, обед начался с блюд, которые были изготовлены поварами из привезенной с собой провизии. Как только Генрих умылся после охоты, мажордом тут же подал знак слугам, и они принесли огромный котел с гороховой похлебкой, заправленной кусочками свиного сала, клецками, зеленью и тертым чесноком.

Генрих, вообще любивший покушать, а сейчас еще и страшно проголодавшийся, едва дождался, когда ему нальют суп, и, обжигаясь, принялся жадно есть, не задумываясь о соблюдении приличий. Свитские также решили оставить дворцовый этикет и вели себя шумно и непринужденно. Король благосклонно кивал им, поощряя застольное веселье.

Гороховую похлебку сменила телятина, зажаренная в сметане с черносливом; вместе с ней был подан нежный розовый окорок с листьями капусты и с перышками лука-порей. Все это входило в первую перемену блюд, призванную слегка утолить голод обедающих. Во вторую перемену повара включили рыбу, сваренную в белом вине, копченые бараньи колбаски, нашпигованные ягодами барбариса, гусиный паштет с протертыми орехами и заливное из свиных ножек.

В завершение на столы были поставлены большие блюда с сыром всевозможных сортов, искусно нарезанным или свернутым в трубочки. Сыр, по мнению кулинаров и врачей, способствовал усилению пищеварения, а это было необходимо, чтобы во время двухчасового перерыва подготовить желудки короля и его гостей ко второй части обеда, в которую должны были войти жаркое из оленины и десерт из засахаренных фруктов, хрустящих вафель, кремовых пирожных и сливочных пудингов.

Поев сыра, Генрих лениво откинулся на спинку кресла, отпил порядочный глоток из кубка, наполненного крепким виноградным вином, и подозвал мажордома.

– Любезнейший, чем вы повеселите нас в эти два часа? – спросил он.

– Ваше величество, у нас в программе выступление артистов, которые хотели показать вам отрывок из трагедии Софокла, – напомнил королю мажордом.

– Да, да... Но два часа смотреть Софокла! Надо сократить представление, пусть вначале будет музыка и танцы, а уж потом Софокл. Кстати, насчет Софокла... У меня появилась неплохая идея. К черту Софокла, – смогут ли ваши фигляры наскоро выучить и представить нам небольшой отрывок из пьесы, который я им передам?

– Полагаю, что смогут, ваше величество, – понимающе улыбнулся мажордом.

Генрих VIII и Анна Болейн на охоте в Виндзорском лесу.
Художник У. П. Фрайт.

– Вот и чудесно! Пусть подойдут ко мне, я скажу, что им надо будет сыграть... Пойдите, еще одно: если моим гостям будет угодно послушать, как их король музицирует, я готов доставить им эту маленькую радость. Вы понимаете меня?

– О, конечно! Я понял вас, ваше величество. Все будет исполнено, мой повелитель!

Король сделал жест, разрешающий мажордому удалиться. Отпив еще глоток из кубка, Генрих, щурясь от яркого солнца, осмотрел ряды своих придворных. Разомлевшие от сытной еды, упоенные ароматами осеннего леса, согретые теплом погожего дня они лениво болтали между собой, не обращая внимания на своего государя.

Генрих увидел, как сэр Джеймс о чем-то оживленно беседует со своими приятелями, и услышал уверенные интонации его голоса. Взгляд короля скользнул и по мрачной физиономии сэра Томаса, который сидел в одиночестве в глубокой задумчивости.

Генрих с досадой отвернулся от него и в следующее мгновение невольно улыбнулся: он увидел леди Энни, взор ее чудесных глаз был устремлен на короля. Генрих выпрямился в кресле и погладил свою аккуратно подстриженную бороду.

– Актеры, ваше величество, – раздался голос мажордома.

Генрих милостиво кивнул им:

– Очень рад, господа артисты. Надеюсь, вам объяснили, чего мы от вас ждем?

– Мы готовы исполнить все приказания вашего величества, – ответил ему старший из них с глубоким поклоном.

– Прекрасно, прекрасно! Вот вам текст из пьесы, который случайно оказался у меня. Автор нам неизвестен, но это и неважно: нас заинтересовали характеры и ситуация. Речь здесь идет о любви некоего мудреца к молодой девушке, с которой его разделяет немалое число лет, но, несмотря на это, она отвечает ему взаимностью.

Что девушка нашла в нем, чем он тронул ее сердце? Величием и мудростью, – так говорится в пьесе, и я согласен с автором. Молодость и красота женственности, зрелость и значимость мужественности прекрасно сочетаются друг с другом, – вот главная мысль сочинителя, которую вам надлежит донести до зрителей. Действующих лиц в пьесе, соответственно, двое – Философ и его возлюбленная по имени Леда; кроме них, как того требует от нас традиция, присутствует Хор, разъясняющий публике смысл происходящего на сцене и делающий правильные выводы из действия. Сможете ли вы примерно за час выучить этот отрывок, чтобы затем разыграть его перед нами?

– Не сомневайтесь, ваше величество, благороднейший из государей! Дабы угодить вам мы выучим это отрывок и за меньшее время! – воскликнули артисты.

– Итак, берите текст и приступайте! В нужный момент вас позовут, – сказал им король и обратился к мажордому: – Любезнейший, я ведь просил вас еще кое о чем.

– Мог ли я забыть ваше приказание, государь? Соболаговолите сообщить мне, когда вы захотите музицировать.

– Когда? Да прямо сейчас, черт возьми! – Генрих с беспокойством отыскивал взглядом леди Энни, куда-то исчезнувшую за время его разговора с артистами.

– Слушаюсь, ваше величество, – мажордом подмигнул кому-то за столом, и немедленно раздался возглас: – Ваше величество, простите за дерзкую просьбу и за то, что я осмелился беспокоить вас, но клянусь спасением души, никто не играет на лютне лучше вас! Окажите великую милость, – порадуите нас своей игрой, ваше величество!

– Очень просим, ваше величество! Мы так давно не слышали вашей чудесной игры на лютне! – присоединились к первому голосу другие голоса.

– Прошу прощения, дамы и господа, но сегодня я вряд ли смогу сыграть. Я слегка устал на охоте и боюсь, что мои руки будут плохо слушаться меня, – сказал король, по-прежнему отыскивая взглядом леди Энни.

– Но мы очень просим вас, ваше величество! Пожалуйста, пожалуйста, окажите нам милость! – продолжали упрашивать придворные.

Тут лицо Генриха просияло от удовольствия: он увидел леди Энни, вернувшуюся на свое место.

– Ладно, дамы и господа, я сыграю, если вы настаиваете, – согласился он. – Но не судите слишком строго мою игру.

Королю немедленно принесли лютню, взятую на время у музыкантов. Генрих попробовал, как она звучит, потом, сделав паузу, пристально посмотрел на леди Энни и принялся играть песню, напевая при этом:

Когда вы рядом со мной, мой друг,
Мне не страшен мир, что жесток и груб!..
Давно летит по земле молва.
Зеленеет древних холмов трава.
Меняют деньги на любовь
Зеленые рукава!

Поговаривали, что эту песню сочинил сам король, и она была действительно очень хороша.

Взяв последний аккорд, Генрих отодвинул лютню и застыл, глядя поверх голов своих придворных.

– Замечательно! Великолепно! – искренне закричали они. – Ваше величество играет на лютне лучше всех на свете.

– Вы преувеличиваете, господа. Я всего лишь умею перебирать струны, и только, – возразил король.

– О нет, ваше величество! Вы отличный музыкант, – не соглашались с королем придворные. – Умоляем вас, сыграйте еще!

– Ну, не знаю, не знаю... Разве что, вот это я попробую исполнить. Это свободная трактовка веселого лангедокского танца.

Король заиграл, и улыбки появились на лицах придворных. Задорная музыка разогнала печаль, навеянную грустной песнью; сразу захотелось танцевать, и многие начали отбивать пальцами по столу такт мелодии. Генрих выразительно посмотрел на музыкантов: они подхватили мотив танца, и тогда король, отложив лютню, поднялся, подошел к леди Энни, подал ей руку и вывел на середину поляны. Зардевшаяся Энни облокотилась на руку короля и грациозно прошлась с ним, приседая и кланяясь, как того требовало искусство хореографии. Король тоже танцевал на удивление изящно; они были прекрасной парой.

Придворные зашептались: разлад в королевской семье ни для кого не был секретом, и подчеркнутое внимание короля к леди Энни могло стать предвестником больших перемен в политической обстановке при дворе. Сэр Джеймс, не скрывая ликования, перемигивался с друзьями, а сэр Томас, напротив, помрачнел еще больше.

После окончания танца у придворных появился новый повод для пересудов: король отвел леди Энни к своему столу и усадил рядом с собой. Это было неслыханно, это был прямой вызов королеве, которая, хотя и не присутствовала на охоте, но отнюдь не утратила положенные только ей привилегии.

Леди Энни, чувствуя десятки взглядов, устремленных на нее, сидела ни жива, ни мертва, поэтому с первого раза не услышала то, что сказал ей Генрих.

– Дорогая леди, я безумно влюблен в вас. Выходите за меня замуж, – повторил он.

Энни испуганно взглянула на него:

– Помилуйте, ваше величество... Я не понимаю вас. Вы шутите? Как же можно – так, сразу... К тому же, вы женаты.

– Какие пустяки! Я разведусь, я давно собираюсь развестись. Я не люблю жену: более того, – я ненавижу ее!.. Я люблю вас! – пылко сказал Генрих. – Чего мне ждать? Пока я составлюсь? Увы, ведь я не молод... Надо ловить каждое мгновение жизни!

– Но, ваше величество, я вовсе не уверена, что хочу выйти за вас замуж, – пробормотала Энни.

– Я понимаю. Подумайте... Видит Бог, я люблю вас так, как никто не будет любить! Я сделаю вас счастливой, моя дорогая леди, клянусь вам! – Генрих коснулся ее руки.

Энни, совершенно растерянная, не знала, что сказать.

– Подумайте, – повторил Генрих. – А теперь я хотел бы развлечь вас. Актеры собираются показать нам какую-то пьесу. Посмотрим?..

Он подозвал мажордома и шепнул ему:

– Ну, что, готовы эти бездельники?

– Почти, ваше величество.

– Дьявол их раздери! Я не желаю ждать, – пусть начинают, и сейчас же! Извольте распорядиться, любезнейший.

Мажордом направился к артистам и не позже чем через минуту объявил:

– Ваше величество! Дамы и господа! Извольте посмотреть небольшое театральное представление – отрывок из пьесы о жизни некоего философа! Актеры просят вашего всемилостивейшего внимания!

Под большим дубом, стоявшим на поляне, была натянута занавесь, за которой скрывались актеры. По знаку мажордома загремели барабаны, заревели трубы, и оттуда вышел тучный и высокий трагик, исполняющий роль Философа. Он прошелся перед занавесью с видом глубокой задумчивости, затем остановился, прижал левую руку к груди, а правую вытянул в сторону зрителей. Трубы и барабаны стихли; трагик, дико вращая глазами, мрачным громовым голосом начал читать свой монолог, в котором говорилось о его любви к юной девушке.

Вслед за тем из-за занавеси вышел исполняющий роль Леды молодой человек, ибо женщинам строго запрещалось участвовать в представлениях. Он был одет в женское платье и ярко раскрашен; раскачиваясь и жеманно хихикая, он приблизился к трагику, изображая смущение и робость, которые обычно испытывает молодая девица на первом свидании с мужчиной. Зрители засмеялись и захолопали, а Генрих, насупившись, проворчал:

– Проклятые фигляры! Превращают высокую любовную историю в фарс!

Молодой актер прокашлялся и тоненьким голоском прочитал свой монолог, где тоже было признание в любви. Затем в дело вступил Хор. Он пропел гимн влюбленным и пожелал им радости и счастья.

Заиграла музыка. Актеры поклонились зрителям; король захолопал в ладоши, и тут же раздались дружные аплодисменты всех присутствующих. Довольные актеры удалились.

Повернувшись к леди Энни, Генрих спросил ее:

– Понравилось вам представление, мой ангел?

– Да, ваше величество.

– Мне тоже. Стихи, признаться, довольно скверные по форме, но они исполнены глубокого смысла. Отрадно видеть союз мудрой зрелости и прекрасной юности. Понимаете, к чему я клоню?.. Выходите за меня замуж, моя милая, любимая, драгоценная леди Энни! Клянусь, что стану любить вас до гробовой доски! – Генрих снова взял ее за руку.

– Ваше величество, дайте мне время, – неопределенно сказала она.

Генрих нагнулся и поцеловал ее руку. Затем, распрямившись, он громко произнес:

– Пора продолжить наш пир. Мне не терпится попробовать оленя, которого я убил, а дамы, полагаю, заждались сладкого. Мажордом, распорядитесь!

Часть 3. Письмо королевы Екатерины

Королева Екатерина плакала у себя в спальне. Предыдущей ночью она долго дожидалась возвращения короля с охоты: невзирая на сложные отношения с ним, Екатерина продолжала беспокоиться о Генрихе, когда он задерживался дольше положенного, а тем более на охоте, где всякое может случиться. К тому же, существуют правила приличия, нарушать которые не позволено даже королю, – как можно настолько пренебречь женой, чтобы не оповестить ее о своем возвращении, не зайти к ней и не пожелать доброй ночи!

Да, она выходила замуж не по любви, но двадцать три года супружества не отбросишь просто так. Со временем у нее возникла привязанность к мужу и, возможно, даже что-то похожее на любовь. У Екатерины все еще теплилась надежда на то, что их супружеская жизнь каким-нибудь образом наладится. Именно потому, что эта надежда существовала, Екатерине особенно больно было видеть, как Генрих безжалостно уничтожает последние остатки того, на чем еще держался их брак.

Отослав камеристку, Екатерина провела жуткую бессонную ночь, и самые страшные мысли приходили ей в голову. В сущности, позднее возвращение короля не было чем-то из ряда вон выходящим, также как и его нежелание зайти лишний раз в покои королевы, но Екатерина, измученная постоянным невниманием к ней Генриха, раздраженная против него, уже не могла воспринимать спокойно ничего из того, что делал король. Страдания Екатерины были безмерны, – если бы она не была ревностной христианкой, она, наверное, выпила бы яд, или постаралась отравить Генриха.

Наступило утро, и обычные ритуалы одевания несколько отвлекли королеву от ее переживаний. При свете дня у нее вновь проснулась надежда на благополучный исход затянувшегося конфликта с мужем, на возрождение разрушенной семьи, – и тем ужаснее стал для королевы доклад ее любимой фрейлины Сью о поведении короля на охоте, о возмутительных недопустимых знаках внимания, оказанных им леди Энни.

В глазах у Екатерины потемнело, она замахала руками на служанок и дам из своей свиты, чтобы они поскорее покинули ее спальню, и зарыдала, как только последняя из них закрыла дверь. Екатерина плакала, облокотившись на стол и закрыв лицо руками; она плакала все горше и горше, растравливая себя совершенно лишними сейчас воспоминаниями о бесчисленных обидах, причиненных ей Генрихом, о жестокой судьбе, сделавшей ее женой этого чудовища, и о своей молодости, погубленной им.

Наплакавшись, она взглянула на себя в зеркало. Вид у нее был хуже некуда, – постаревшая осунувшаяся женщина с морщинами на лбу, около глаз и в уголках рта, с тусклым серым цветом лица, с дряблой кожей на шее и руках. Конечно, Екатерина и в молодости не была красивой, но тогда ее кожа была нежной и гладкой, а тело – стройным. Она была привлекательна и вызывала желание в мужчинах, и Генрих желал ее, – прости, Господи, за греховные мысли! Боже, как быстро проходит молодость, как быстро увядает женская красота!

– Старуха, я уже старуха! – сказала себе Екатерина и опять заплакала.

Вскоре на смену слезам пришла злость.

– Негодяй, мерзавец, грязный развратник, еретик! – ругалась Екатерина, вытирая красные, опухшие от слез глаза. – Разве это король? Грубый мужлан, скотина, ожиревший боров, похотливая обезьяна! Говорят, в его роду были свинопасы; если бы не та злосчастная междоусобная война, никогда бы его семья не пришла к власти!.. Долго я терпела ваши гнусности, ваше величество, но теперь все, – теперь я покажу вам, чья я дочь! Можете попроситься с короной и с королевством: о, я покажу вам, как я умею мстить! Вы меня плохо знаете!

В дверь постучались.

– Кто там? – крикнула Екатерина.

Фрейлина Сью заглянула в спальню и сказала:

– Простите, ваше величество, но вас ожидает Бенедиктус. Он говорит, что вы назначили ему аудиенцию.

– Пусть подождет. Бумагу мне, перо, чернила! Я напишу моему отцу. Скажи сэру Фердинанду, чтобы он был готов немедленно отправиться к императору. Но о его поездке никто не должен знать, подчеркни это.

Через час письмо было написано, но Екатерина решила пока что не отправлять его. Излив в этом послании свой гнев и свою горечь, она немного приободрилась и велела позвать монаха Бенедиктуса, а сэру Фердинанду было приказано ждать.

Лицо Бенедиктуса имело, по обыкновению, серьезное и многозначительное выражение, взгляд был потуплен, а руки теребили веревочный пояс темно-коричневой сутаны, мешком висевшей на длинном и тощем теле монаха.

– Что ты можешь сказать мне, Бенедиктус? Ты гадал сегодня ночью? – спросила Екатерина.

– Пресветлая королева хочет обидеть меня, – угрюмо ответил он. – Гадание – темное и недостойное занятие, сродни колдовству и волхованию. Я никогда не гадаю, – я молюсь святым угодникам, чтобы они открыли мне истину. Иногда святые нисходят к моим мольбам и дают мне дар предвидения.

– Я никогда не связалась бы с тобой, если бы здесь была замешана хоть капля колдовства, – желчно заметила Екатерина. – Не придирайся к словам, монах, говори о том, о чем тебя спрашивают!

– Королева изволит гневаться? Напрасно. Следует избегать гнева, также как и чрезмерной радости, скорби, и вообще любых бурных чувств. Смирение и терпение – наши верные спутники в земной жизни, – сказал монах, по-прежнему перебирая пояс своей сутаны.

– Перестань меня поучать! – крикнула Екатерина. – Я хочу услышать, что тебе открылось прошлой ночью?

– Упаси меня Христос поучать кого-нибудь! Я, недостойный, грешный, червь во прахе, – могу ли я поучать? Напротив, я должен внимать поучениям и наставлениям, которые, несомненно, идут мне на пользу. Благодарю тебя, государыня, за то, что по великой своей милости, ты наставляешь и ругаешь меня, смиряешь мою гордыню и указываешь на мое ничтожество – твоя доброта зачтется тебе, – ответил монах.

– Ладно, Бенедиктус, будет сердиться, – примирительно сказала Екатерина. – Я заставила тебя ждать лишь потому, что у меня было неотложное дело. Я сгораю от нетерпения услышать о результатах твоих ночных опытов. Пожалуйста, расскажи, что тебе открылось. Твоя королева просит тебя.

– Воистину, ты образец христианского поведения, государыня! С покорностью прошу простить меня, если я стал причиной твоего раздражения, – низко поклонился ей монах. – Слушай же, королева, что я узнал этой ночью: «На короля найдет затмение, начнутся всюду смута и брожение. Пустыней станут нивы и сады, и русла рек засохнут без воды; и пропадут людские все труды, песком засыплет ветер их следы. Одна лишь есть надежная опора: чрез веру избранным спасение готово».

Екатерина упала на колени перед большим распятием на стене.

– Господи! – воскликнула она. – Вразуми заблудшего, прозри слепого! Спаси, Господи, человецев твоих от разорения и гибели! За грехи одного не карай всех, милосердный Боже!.. А впрочем, – прибавила Екатерина, поднимаясь с колен, – пусть свершится по воле Твоей! Ты – отмщение, и от Тебя воздаяние!

В дверь снова постучали.

– Кто там еще? – крикнула Екатерина.

– Это опять я, ваше величество, – ответила Сью.

– Что случилось?

– Позвольте войти, мадам? У меня есть для вас важная новость.

– Войди. Видно сегодня Господь решил испытать меня, – сказала Екатерина.

– Ох, к сожалению, вы угадали! – подтвердила Сью, подходя к Екатерине. – Только что я узнала, о чем шла речь на заседании королевского Совета: они говорили о разводе с вами.

Екатерина поморщилась:

– Сплетни! Кто-то специально распространяет их.

– Ах, мадам, это не сплетни! – возразила Сью. – Король будет просить святейшего папу о расторжении брака. Приехав ночью с охоты, его величество определенно сказал об этом в присутствии приближенных к нему джентльменов, а по некоторым причинам один из них иногда рассказывает мне о королевских тайнах. Еще король упоминал о леди Энни и говорил, что она будет ему прекрасной женой.

Лицо Екатерина покрылось красными пятнами.

– Значит, это правда... Негодяй, негодяй, негодяй! – сдавленным голосом произнесла она и заплакала во второй раз за это утро.

Сью сочувственно вздохнула, в глубине души, впрочем, довольная, что именно она принесла королеве такое важное известие. Бенедиктус, сцепив пальцы, молча стоял рядом. Екатерина, всхлипывая, подошла к Сью, сняла кольцо с мизинца и отдала ей:

– Постарайся узнать подробнее о замыслах короля. Ты будешь вознаграждена за усердие.

– О, мадам, служить вам – лучшая награда для меня! – ответила Сью, принимая кольцо.

– Иди, – приказала ей Екатерина и обратилась к Бенедиктусу. – Что же нам делать, монах?

– Папа никогда не разрешит королю развестись с вами. Ну, а если король пойдет против его воли, то сбудется пророчество, – сурово и внушительно проговорил Бенедиктус.

– На все Божья воля! – перекрестилась Екатерина. – А я, пожалуй, дополню письмо к императору вестью о том, что его дочь скоро будет брошена мужем. Оставьте меня, монах!

* * *

Сэр Джеймс после королевской охоты лег спать только утром. Вернувшись в город, он вместе со своими приятелями поехал в известную им харчевню, хозяин которой в один момент выгнал всех засидевшихся здесь допоздна добрых горожан и устроил для компании благородных джентльменов великолепный пир. Было очень весело: музыканты, не переставая, играли до рассвета, шуты смешили своими выходками, девицы, стройные и симпатичные, были соблазнительны и податливы. Приятели сэра Джеймса напились до потери вменяемости и вели себя непристойно: под утро они раздели всех девиц догола и в таком виде повезли по улицам Лондона, оглашая спящий город дикими криками и пением неприличных куплетов.

Сэр Джеймс благоразумно уклонился от участия в публичной вакханалии и приказал слугам отвезти его домой. Невзирая на утомительную королевскую охоту, бессонную ночь и огромное количество выпитого, он чувствовал себя неплохо. В его голове непрерывно крутилась одна и та же приятная мысль: «Король все-таки решился, наступает наше время! Наступает время наше – королем все решено!»

Довольная улыбка не сходила с лица сэра Джеймса: с ней он приехал домой, с ней его раздели и погрузили в ванну, с ней вытащили оттуда, заснувшего, и положили в постель.

Спал сэр Джеймс, однако, недолго. Не прошло и трех часов, как он был разбужен своим секретарем Джонсом, которому пришлось изрядно потрудиться, чтобы привести его в чувство. Наконец, сэр Джеймс открыл глаза, посмотрел на Джонса и звучным голосом сказал:

– Спасибо, милая девушка, ты можешь идти домой.

– Но милорд...

– Иди, ты мне больше не нужна, – произнес сэр Джеймс, отвернулся и заснул.

– Милорд! Проснитесь! Да проснитесь же! – потеряв терпение, секретарь бесцеремонно потряс сэра Джеймса за плечи.

– Что? Что? Что? – приподнялся сэр Джеймс на кровати. – Как ты смеешь прикасаться ко мне, трактирщик? Я не стану платить за то вино, которое не пил!

– Я не трактирщик, милорд! Я ваш секретарь! – отчаянно воскликнул Джонс.

– Секретарь? – задумчиво проговорил сэр Джеймс: – Может быть, может быть...

– Проснитесь же, милорд! Умоляю вас! У меня чрезвычайное сообщение, – Джонс снова потряс его за плечо.

– Сообщение? Вы говорите «сообщение»? – сэр Джеймс вздохнул и приложил руку к голове. – Что означает «сообщение»?

– То есть как? – изумился Джонс. – Ну, сообщение – это известие, новость, сведение...

– Боже мой, как много слов! – прервал его сэр Джеймс. – Для чего их так много, если все они означают одно и то же? Вы меня совсем запутали. Вернемся к этому... как вы сказали?

– Сообщению, милорд!

– Ради бога, не кричите, – поморщился сэр Джеймс. – Сообщение... Что – то я никак не могу уловить смысл этого слова, – так мы никогда не дойдем до истины. Скажите то, что вы хотели сказать просто, безо всяких сообщений, – он устало откинулся на подушку.

Секретарь удивленно пожал плечами.

– Я хотел сказать, милорд, что королева написала письмо императору, в котором она обвиняет нашего государя в преступлениях против религии, нравственности, против законов государства, а также в оскорблении ее королевского величества, и пишет о намерении короля развестись с ней. Королева просит императора принять все меры к низложению короля Генриха.

Сэр Джеймс в одно мгновение поднялся с постели.

– Откуда вам это известно? – спросил он, недоверчиво глядя на Джонса.

– Королева поручила своему придворному – сэру Фердинанду – тайно отвезти письмо. Но тот оказался благоразумным человеком, и прежде чем ехать к императору, встретился со мной и показал мне послание королевы. Мне пришлось заплатить сэру Фердинанду тридцать серебряных монет.

– Вам возместят ваши расходы, – небрежно махнул рукой сэр Джеймс. – Итак, разрыв между королем и королевой стал окончательным. Более того, королева решила на государственную измену – на свержение законного правителя страны. Ах, как хорошо все складывается, удача сама стучится к нам в дверь!.. Быстро мне одеваться, – я еду на прием к королю. И позвать лекаря, – пусть даст мне что-нибудь, избавляющее от головной боли и тошноты.

* * *

Почти в тот же час сэр Томас сидел у себя в кабинете в кресле перед камином, перелистывая старинную книгу, оплетенную почерневшей телячьей кожей. Дверь в кабинет беззвучно открылась, и вошла жена сэра Томаса. Она приблизилась к мужу, ласково кивнувшему ей, обняла его и заглянула в книгу, которую он читал.

– Что это за фолиант? – спросила она.

– «Основания стоицизма», – ответил сэр Томас.

– Я думала, ты пишешь.

– Нет. Я больше никогда не буду этого делать, – сказал он, нахмурившись.

– Почему?

– Подчинить перо запросам толпы и выгодно продавать свои литературные изделия – вот единственное, ради чего можно заниматься литературой. Тот, кто следует этим принципам, заслуживает уважения как хороший ремесленник и расчетливый купец. Но горе пришедшему

в литературу с высокими побуждениями, с искренними душевными порывами! В лучшем случае его ждет небрежное внимание избранных ценителей, в худшем – шиканье растревоженной толпы. Я не хочу больше стоять у позорного столба, не хочу слышать злобные выкрики врагов и ядовитые слова утешения от друзей. Слава богу, мы достаточно обеспечены, и мне не надо торговать своими мыслями и чувствами, чтобы заработать себе на жизнь!.. Помимо всего, я сейчас сильно устаю на государственной службе; если бы я и хотел заняться сочинительством, у меня нет ни времени, ни сил на литературные упражнения, – сэр Томас вздохнул.

Екатерина Арагонская, первая жена Генриха VIII.
Неизвестный художник

– У тебя что – то случилось? На вчерашней охоте его величества? – насторожилась жена.

– У меня – нет. У всех нас – да.

– Я не понимаю тебя.

– Король оказал особые знаки внимания леди Энни, – коротко объяснил сэр Томас.

– Ну и что? Слабость короля к молодым девицам известна всем.

– Государь хочет развестись с королевой.

– Вот новость! – засмеялась жена. – Да он уже много лет хочет с ней развестись!

– Нет, теперь его намерение решительно и серьезно. Сама королева убеждена в этом.

Сегодня она отправила письмо своему отцу императору, в котором просит заступничества и требует принять меры к низложению короля.

– Святая Дева! Неужели это правда? – жена испуганно взглянула на него.

– Я читал письмо королевы.

– Ты читал ее письмо?

– Не удивляйся. Посланец королевы показал мне его перед тем как отправиться к императору. Мудрый он человек, посланец королевы, – решил, что в интересах государства я должен знать о ее письме, – невесело улыбнулся сэр Томас.

– Что же будет? – с тревогой спросила жена.

– Я обязан доложить королю об этом письме. Но тем самым я дам ему повод для обвинения ее величества в заговоре. Развод станет неизбежным даже и без согласия церкви. Мы поссоримся с императором, мы поссоримся с папским престолом, но не это самое страшное.

– Боже мой! Война, отлучение от церкви – и это еще не самое страшное? О чем ты говоришь! – ужаснулась жена.

– Войны может и не быть, а власть папы сейчас не так сильна, как раньше, когда он легко менял королей и перекраивал королевства по своему усмотрению. Нет, меня тревожит не война и не отлучение от церкви... – сэр Томас замолчал, поглощенный своими мыслями.

Жена легонько дунула ему на волосы.

– Очнись. Что же тебя беспокоит, если не война и не проклятие папы?

– Разрыв с римским папой позволит сэру Джеймсу и подобным ему джентльменам поставить церковь в зависимость от светской власти, от короля, и уж они постараются использовать преимущества этого нового порядка, уверяю тебя! – сказал сэр Томас. – Они обратят веру в свою послушную служанку, которая станет исправно трудиться во имя их обогащения. Освободиться от власти деспота – еще не значит получить свободу; деспотизм папы они хотят заменить тиранией безжалостных хищников, пожирающих своих слабых братьев. Кто спорит, наша страна тяжело больна, но вместо того чтобы бороться за ее исцеление, эти джентльмены хотят поскорее умертвить ее, да еще и забрать себе оставшееся наследство. Справиться с болезнью, убив больного, – таков метод их лечения.

– Как ты разволновался, дорогой мой, – жена поцеловала сэра Томаса в щеку. – Так ли все ужасно, как тебе представляется?

– Боюсь, что еще ужаснее. «Чуму прокаже предпочтем, мы с нею лучше проживем!» – неожиданно пропел фальцетом сэр Томас.

Отстранив жену, он встал с кресла и принялся расхаживать по кабинету; она с удивлением смотрела на своего разгорячившегося мужа, обычно спокойного и хладнокровного.

– Извини меня, я должен ехать к королю. Я обязан сделать все возможное, чтобы не допустить расторжения его брака и разрыва с папой. Тяжело плыть против течения, но я должен! – сказал он.

– А ты подумал о последствиях? – настороженно спросила жена.

– Да, я подумал о последствиях, и поэтому я пойду до конца, чем бы это мне ни грозило, – ответил сэр Томас, остановившись перед ней.

Она вздохнула, не решившись перечить ему.

* * *

Пока сэр Джеймс беседовал со своим секретарем, а сэр Томас – со своей женой, Генрих и не подозревал, что его семейные проблемы так взволновали в это утро столь важных джентльменов. Он принимал ванну, наполненную душистой теплой водой, и с удовольствием вспоминал вчерашнюю охоту, позволяя себе шутить со слугами, омывающими и массирующими его большое грузное тело.

После ванны короля облекли в удобную домашнюю одежду, и он направился в малую столовую, где обычно завтракал в узком кругу гурманов. Малая столовая находилась во флигеле дворца; ее широкие окна выходили в уютный маленький садик, отделенный от остальной части королевского парка высокой кирпичной стеной. Когда было тепло, Генрих обычно приказывал открыть двери в сад, и столовая наполнялась свежим влажным запахом листьев и хвои.

Утренние сотрапезники короля занимали незначительные придворные должности и не имели ни малейшего влияния на государственные дела, зато хорошо разбирались в вопросах гастрономии и кое-что смыслили в искусстве. Разговор за столом шел исключительно на эти темы, и если кто-нибудь нарушал негласное правило, запрещавшее обсуждение иных предметов, то больше он не появлялся на королевском завтраке.

Среди прочих гостей бессменным сотрапезником короля на протяжении многих лет был сэр Френсис. В молодости он отличился во время междоусобной войны: сэр Френсис со своим отрядом четыре года занимал оборону в глухом местечке, а когда война подошла к концу, немедленно вышел из своего убежища и встал под знамена победителя, за что получил награду и почетную должность при королевском дворе.

Сумев благополучно пережить все потрясения во время правления отца Генриха, сэр Френсис достиг старости, не ведая бед и разочарований. Не зная почти ничего о живописи, музыке и литературе, он слыл знатоком искусства на завтраках Генриха, – короля забавляли суждения старика на сей счет.

Этим утром у короля было прекрасное настроение, поэтому он решил потолковать с сэром Френсисом о поэзии. Заняв свое место во главе стола, Генрих посмотрел на косые лучи осеннего солнца, сквозь ветви деревьев бьющие в окна столовой, и сказал:

– Не открыть ли нам двери в сад? Чудесные дни стоят нынче! Не помню уж, когда была в последний раз такая погожая осень; после полудня воздух прогревается, как летом. Ночи, правда, холодные, и утром не тепло... Нет, не будем открывать двери, а то сэр Френсис, не дай Бог, простудится.

– О, благодарю вас за заботу, ваше величество! – приподнялся тот из-за стола.

– Пустое! Мне бы хотелось продолжить наш разговор об итальянском искусстве, – а кто, кроме вас, милорд, может дать нам наилучшее представление о нем! Позавчера мы говорили о Петрарке – автор хоть и не новый, но интересный. Как, по-вашему, сэр Френсис, в чем притягательность его любовного стиха?

– Любовного стиха? – сэр Френсис отложил вилку и вытер салфеткой губы. – Стихи ведь и пишутся от любви! Если вы любите, предположим, какую-нибудь молодую девицу, то спрашивается, как вам быстрее всего затащить ее в постель? Тут два способа подойдут: подарки и красивые слова. И до того и до другого девицы очень охочи. Подарите ей, к примеру, колечко, и скажите что-нибудь эдакое, красивое, о том, как она хороша, и как вы ее любите, – и вы уже сделали один из трех шагов на пути к победе!

– Вот как? А еще два шага? – улыбаясь, спросил Генрих.

Сэр Френсис выдержал артистическую паузу:

– Разве вы не знаете, ваше величество?

– Ожидая, что вы меня просветите.

– Почту за честь... Второй шаг – поведайте ей о своих тайнах. Женщины обожают чужие тайны. Правда, надо помнить о том, что ваши секреты перестанут быть секретами, как только вы о них расскажете женщине, поэтому душу следует открывать с осторожностью и не увлекаться искренностью. Но можете не сомневаться, что став поверенной ваших тайн, девица приблизится к вам, как рубашка к телу.

– Ваши рассуждения основательны, милорд. А третий шаг?

– Развеселите ее, говорю я, развеселите, если хотите добиться ее симпатии! Девушки смешливы от природы; посмотрите на них, – такое ощущение, что они непрерывно хихикают. Поразите ее своим остроумием, заставьте смеяться, – и крепость падет, не выдержав последнего удара! Но, упаси вас Господь, смеяться над самой девицей: они этого ужасно не любят. Лесть и похвала должны сопровождать все ваше наступление.

– Прекрасная речь, сэр Френсис! Она обличает в вас опытного соблазнителя, но я не понимаю, какое отношение имеет все это к поэзии Петрарки? – с усмешкой спросил Генрих.

– К поэзии? Да самое что ни на есть прямое, ваше величество! Где, как ни в стихах, вы можете красиво рассказать о любви, открыть свою душу и показать свой ум?

– Но поэзия более склонна к трагедии, чем к комедии. Как же быть с последним пунктом вашей теории соблазнения?

– Трагедия? Гм, притворство, одно притворство! – прищурился сэр Френсис. – Без этого, впрочем, тоже нельзя, нужно же показать, как ты страдаешь, – куда же без этого? Но если взглянуть пристальнее, то за любой трагедией скрывается комедия. Иначе и быть не может, ибо в нашей жизни все – сплошная насмешка... Ох, помню, ухаживал я в свое время за молодой графиней необыкновенной красоты! Ухаживание проходило строго по правилам, размеренно и методично, в соответствии с требованиями любовной науки. Но графиня мне попала несговорчивая, не шла со мной в постель, хоть ты тресни! Тогда я решил прибегнуть к поэзии...

– Вы, сэр Френсис? – король уронил вилку. – Вы писали стихи?

– Нет, ваше величество. Помилуй Бог, разве я стал бы заниматься подобной дичью? – возмутился сэр Френсис. – Я покупал стихи у безвестного рифмоплета, который задешево сочинял их по моему заказу. К сожалению, мой стихотворец был равнодушен к Бахусу, и страсть к творчеству часто растворялась у него в стакане с вином. В таких случаях мне приходилось воровать стихи у признанных поэтов, благо, дамы у нас не читают поэтические книги. Кое-что я помню до сих пор:

Мадам, вы красоты храните клад,
Алмазной чистоты победный взгляд,
И пламенный рубин щеки румяной...

А что дальше? Проклятая память! Ах, да!

...Но не видать от вас ни ласки, ни привета!
Поймите, ведь плачу я и день, и ночь подряд,
И говорю несвязно, невпопад,
Так сильно к вам любовью я объят!

Нет, простите, ваше величество! Не то! Правильно будет вот как:

Сильнее я любовью объят,
Чем окунь жареный объят сметаной!
...Сегодня я в ваш сад пришел,

Росой обрызган,
Как полный жалости цветок!
Не может сердце горевать...

Забыл... Кажется так:

...Постоянно,
Пролейте ж мне бальзам на раны!

Ну, нечто вроде этого!.. И что бы вы думали, ваше величество? Целый год правильных ухаживаний не дал никакого результата, а мои стихотворные послания в два счета добыли мне сердце графини! Святые угодники, как это понять, почему такая чушь трогает сердце женщины? Если бы я принялся изъясняться подобным образом на людях, меня по справедливости отправили бы в приют для душевнобольных. Но женщины – все немного сумасшедшие, так что поэзия для них годится в самый раз!

Генрих расхохотался:

– Благодарю вас, милорд! Вы изрядно развлекли нас своими глубокими мыслями... Кушайте, джентльмены, кушайте! В обед будут поданы рыбные блюда. Надеюсь, вы присоединитесь к числу гостей, обедающих у меня? А завтра мы обсудим, насколько хорошим получился обед у моих поваров.

* * *

Продолжая пребывать в благодушном расположении духа, король вышел в парк, уселся на скамью под старым вязом и позвал мажордома.

– Много ли народа дожидается моего выхода? – спросил Генрих.

– Все придворные чины хотят засвидетельствовать почтение и преданность вашему величеству, – ответил мажордом.

– Подождут! – отмахнулся Генрих. – А кроме них?

– Ваш духовник, государь.

– Опять будет упрекать меня за то, что я пропустил заутреню, – скривился король. – Подождет! Еще кто?

– Вас дожидается мастер Хэнкс, – сообщил мажордом, понизив голос.

– Хэнкс? Дожидается? – Генрих удивленно повел головой. – Попросите его придти сюда... Хэнкс дожидается... Странно, – сказал король сам себе.

Пока мажордом ходил за Хэнксом, Генрих успел задремать на солнышке, и ему приснился дивный сон. Увидел он синее прозрачное озеро, окруженное просторным дубовым лесом. На берегу был раскинут громадный шатер из прозрачных шелковых тканей, весь пронизанный светом. В шатре пировали сотни благородных господ, одетых в яркие пестрые одежды, и Генрих был среди них, но почему-то не в центре стола, как ему полагалось, а с краю, у самого выхода. Короля несколько расстроило это обстоятельство, но тут он увидел рядом с собой леди Энни и заулыбался.

Она без тени смущения весело болтала с Генрихом о всяких пустяках и норовила коснуться его то рукой, то ногой. Король, очень довольный подобным обращением с ним, с восторгом ощущал ее прикосновения и, млея от счастья, внимал ее милой болтовне.

Поведение леди Энни становилось, между тем, все более вызывающим и страстным; наконец, совершенно расшалившаяся юная проказница вскочила из-за стола и увлекла короля к выходу из шатра, на берег озера. Здесь она стала торопливо раздеваться, успевая в то же время снимать одежду с Генриха. Едва леди Энни и король обнажились полностью, полог

шатра вдруг широко распахнулся, пирующие там дружно повернулись и принялись пристально рассматривать наготу короля. Смущенный король пытался закрыться руками, но леди Энни с хохотом схватила его под локоть и потащила в воду. Вода подняла их, и они заскользили по глади озера, подобно двум лебедям. Генрих вскрикнул от восторга – и пробудился.

Зевая, он потянулся, с кряхтением расправил затекшую спину, и заметил мажордома и Хэнкса, стоявших в нескольких шагах от скамьи.

– Вы можете быть свободны, – сказал Генрих мажордому.

Тот поклонился и ушел. Генрих обратился к Хэнксу:

– Как вы деликатны, мастер Хэнкс! Не потревожили меня за завтраком, дали поспать в саду, – по-видимому, дело, с которым вы пришли ко мне, не столь значительно?

– Боюсь, что вы ошибаетесь, ваше величество, дело значительное, – возразил Хэнкс, вглядываясь куда-то вглубь парка.

– Да? Тогда я слушаю вас. Что вы молчите?

– Сегодня утром ее величество отправила письмо своему отцу, в котором требует лишить вас престола в связи с вашим намерением развестись с ней, а также оскорбительным поведением вашего величества в ее отношении, – сказал Хэнкс, по-прежнему глядя мимо короля.

– Что? Что вы сказали? Что?! – Генрих поднялся и подошел вплотную к Хэнксу. – Не может быть!

– Я ознакомился с посланием королевы и скопировал его. Письмо мне дал сэр Фердинанд – доверенный ее величества, которому она приказала отправиться к императору с этим письмом.

– Где письмо? – резко спросил король.

– Вот оно... – Хэнкс достал бумагу из папки и передал ему.

Король быстро читал послание. Его лицо потемнело от прихлынувшей крови, а левая щека задергалась, что случилось с Генрихом в минуты сильного душевного потрясения.

– Сэр Фердинанд и раньше рассказывал мне о некоторых секретах ее величества, но в данном случае он превзошел самого себя, – говорил, между тем, Хэнкс. – Он показал письмо королевы не только мне, но еще сэру Томасу и сэру Джеймсу. Глупый, трусливый, жадный человек! Теперь трудно будет скрыть его предательство. Что же касается сэра Томаса и сэра Джеймса, полагаю, они уже подъезжают к дворцу вашего величества. Один станет уговаривать вас простить королеву, другой – покарать ее.

Но король не слушал Хэнкса; прочитав письмо, он весь напрягся и закусил нижнюю губу. Хэнкс опустил голову, зная, что король взбешен, и его гнев сейчас выплеснется наружу.

– Вы с этим письмом шли ко мне, и могли задержаться под предлогом того, что не хотели тревожить? – глухо произнес Генрих, потрясая бумагой. – Надеюсь, вы арестовали посланца королевы, и оригинал письма также находится у вас?

– Я не мог так поступить без приказа вашего величества, – возразил Хэнкс, не поднимая головы.

– Дьявол меня побери! – закричал король, затрясшись от ярости. – Вы ротозей или изменник, Хэнкс! Немедленно догнать этого Фердинанда! Немедленно! Что вы стоите, черт вас возьми?!

– Догнать сэра Фердинанда не удастся, ваше величество. Он уехал в порт около трех часов назад. Там его ждал корабль; поскольку погода сегодня благоприятная, и ветер попутный, то корабль теперь уже в открытом море, – бесстрастно сказал Хэнкс, все так же не поднимая глаз на короля.

– Изменник! Предатель! – прорычал Генрих, сдерживаясь, чтобы не ударить Хэнкса. Повернувшись к нему спиной, король стремительно пошел по дорожке парка, крикнув из-за поворота: – Вы будете казнены, мастер Хэнкс! И перед смертью будете долго мучиться! Я при-

кажу палачам, чтобы они растянули казнь на целый день и применили к вам самые зверские пытки! Вы заплатите мне за ваше предательство!

Грохнула калитка, ведущая в основную часть парка, и тяжелые шаги короля затихли вдали. Тогда Хэнкс поднял голову, и в глазах его промелькнула усмешка. Он сел на мраморную скамью, нагретую королем, небрежно развалился на ней и вынул флягу из кармана своего короткого суконного плаща. Провожая взглядом опадающие с вяза листья, Хэнкс с наслаждением, размеренно и не спеша, сделал несколько глотков крепкого бренди.

Просидев так несколько минут, он прислушался, убрал флягу, поднялся и принял прежний виноватый вид. Через мгновение снова грохнула калитка, и в дальнем углу сада показался Генрих. Подойдя к Хэнксу, он мрачно сказал:

– Ну, какие у вас есть оправдания? Предоставляю вам последнее слово.

– Спасибо, ваше величество, – ответил Хэнкс с поклоном. – Мои оправдания заключаются в том, что я стремился точно исполнить вашу волю, государь.

– Как это? – спросил Генрих, сдерживая гнев.

– Вчера ночью, вернувшись с охоты, вы определенно заявили, что хотите добиться развода с королевой, не так ли?

– Так.

– Письмо ее величества является решительным шагом к разводу. Королева взяла на себя неприятную обязанность сообщить императору и папскому престолу о распаде вашего брачного союза. Мы можем быть только благодарны ей за это.

– Но она в своем письме обвиняет меня во всех смертных грехах! – раздраженно выкрикнул Генрих.

– Естественно. Чего еще ждать от разозленной женщины? – Хэнкс пожал плечами. – Извольте заметить, однако, что ее нападки на вас основаны на эмоциях, а не на фактах, поэтому письмо не может служить обвинительным документом против вашего величества, и не будет использовано в этом качестве ни императорским, ни папским двором. Они бы выставили себя на всеобщее посмешище, если бы стали ссылаться на вздорные женские измышления в борьбе против вас.

– Но Екатерина требует, чтобы я был свергнут! Она хочет лишить меня короны! – громко закричал Генрих.

– Конечно. Женщины необыкновенно мстительны, и в своей мести безжалостны. Тем не менее, призывы королевы остаются пустым сотрясением воздуха, поскольку право принимать решения принадлежит не ей, а ее отцу и святейшему папе. Полагаю, что они захотят лишить вас короны и без подсказки королевы. Но мы, ваши преданные слуги, сумеем защитить ваше величество от их козней, – Хэнкс встал на одно колено перед королем.

– Подсказка! Это не подсказка – это заговор! Екатерина могла бы взойти на эшафот, если бы вы задержали ее посланника и перехватили письмо, – жестко сказал Генрих.

– Да, у вас были бы неоспоримые доказательства ее вины, на основании которых ваш суд, несомненно, приговорил бы королеву к смерти, – согласился Хэнкс, глядя на короля снизу вверх. – Однако, развестись с королевой – это одно, а казнить королеву – это совсем другое. Казнь ее величества настроила бы против вас весь цивилизованный мир, и война с императором стала бы неизбежной.

– Но письмо могло бы стать если не основанием для смертного приговора, то формальным поводом для развода, – об этом вы не подумали? – проворчал король.

– Зачем выносить на люди всю ту грязь, которую ее величество вылила на вас? Я уже имел честь доложить вам, что нельзя серьезно относиться ко всякому вздору. Есть более серьезные основания для развода; о них говорилось на Совете, и в ближайшее время они будут вынесены на рассмотрение парламента. Таким образом, не ваша прихоть и не капризы королевы, но воля народа, которым вы, ваше величество, управляете, станет причиной расторжения вашего брака.

Глас народа – глас Божий, и король не может не прислушаться к нему, – торжественно сказал Хэнкс.

Генрих скрестил руки на груди и насупился. Хэнкс терпеливо ждал.

– Ладно, мастер Хэнкс. Читайте, что на этот раз вы спаслись от топора палача. Но горе вам, если вы когда-нибудь мне измените! – произнес Генрих с угрозой.

– Моя жизнь всецело принадлежит вашему величеству, – склонился Хэнкс почти до земли.

– Конечно, а как же иначе? – буркнул Генрих. – Поднимитесь, мастер Хэнкс, вы прощены.

Хэнкс встал и снова поклонился королю. После этого мажордом, наблюдавший эту сцену издали, решил подойти к Генриху и доложить ему:

– Ваше величество, лорд-канцлер сэра Томаса и королевский советник сэра Джеймса почтительно просят у вас аудиенции.

– Позвольте мне удалиться, ваше величество? – спросил Хэнкс.

– Да, но эти джентльмены? Что мне сказать им?

– Если вам угодно, государь, обнадежьте обоих. Ее величество не заплатит за свое неосторожное послание, – скажите вы сэру Томасу; развод с ее величеством отныне неизбежен, – сообщите вы сэру Джеймсу. И то, и другое – сушая правда.

– Я разведусь с королевой, однако не причиню ей вреда... Да, вы правы, – кивнул Генрих. – Но, Господь мой Вседержитель, с каким наслаждением я бы увидел, как Екатерине отрубили бы голову на плахе!..

* * *

Этот день едва перевалил на вторую половину, а в Лондоне уже стали распространяться слухи о желании короля жениться на леди Энни и о заговоре королевы.

Никто ничего точно не знал, но все почему-то одинаково утверждали, что королева замыслила произвести государственный переворот по плану ее отца-императора, но заговор был вовремя раскрыт (одни говорили – сэром Томасом, другие – сэром Джеймсом), после чего король приказал поместить королеву под домашний арест до суда. Про леди Энни рассказывали разное: некоторые упоминали о ее хитрости и коварстве, и жалели короля, страдающего от происков этой хищницы; но были и такие, которые считали Энни тайным агентом королевы, подставной фигурой в сложной политической игре, затеянной Екатериной.

Прямым следствием всех этих слухов стал неожиданный интерес высшего общества к леди Энни. После обеда к ее дому подъезжала карета за каретой, и визитеры занимали очередь, чтобы засвидетельствовать фаворитке короля свое почтение и уважение. Отец и мать Энни вначале не могли понять, отчего это гости едут и едут к ним в дом? Когда они получили соответствующее разъяснение, то были настолько обрадованы, что отец Энни, несмотря на возраст и болезни, сделал какой-то немислимый пируэт, а мать немедленно решила заказать у портного новое платье.

Энни была, однако, невесела вопреки обстоятельствам. На ее лице отражались явное смущение и неудовольствие, из-за чего посетители за глаза называли ее притворщицей, ханжой и высокомерной гордячкой.

Ближе к ночи поток гостей иссяк, и, наконец, усталый дворецкий объявил о визите последнего на сегодня человека – сэра Джорджа. Так как сэра Джордж приходился кузеном леди Энни, то ее родители не особенно с ним церемонились: для приличия поговорив с сэром Джорджем немного, они отправились отдыхать, оставив молодых людей под присмотром старой няни.

Встреча Генриха VIII с Анной Болейн.
Художник Д. Маклайз.

В гостиной установилась неловкая тишина. Энни сидела у стола, рассматривая старинные гравюры, а сэр Джордж упорно разглядывал свои замшевые перчатки. Няня скоро уснула в кресле, в комнате послышалось ее размеренное посапывание. Сэр Джордж положил перчатки на колено, прокашлялся и спросил тусклым голосом:

– Значит, вас можно поздравить? Не каждой девушке удастся занять такое высокое положение.

– Так низко упасть, хотели вы сказать? – живо возразила леди Энни.

– Упасть? Поднявшись на высоту королевского трона?

– О, нет, опустившись во мнении людей!

– Во мнении людей? Сотни девушек завидуют вам; отцы и матери мечтают, чтобы их дочери оказались на вашем месте!

– Мне грустно это слышать!

– Опомнитесь, кузина! Власть короля священна, его воля – закон.

– Нет, вы опомнитесь, кузен! Пусть король властвует над государством, но не над нашими чувствами.

При этих словах сэр Джордж вскочил, поклонился, пошел к дверям, потом остановился, вернулся к Энни и бросился перед ней на колени.

– Простите меня, о, простите меня, милая Энни! Я сам не знаю, что несу! Когда мне рассказали о желании короля жениться на вас, кровь вскипела в моих жилах, волосы встали дыбом, сердце остановилось от боли! О, если бы я мог стать ветром и унести вас далеко-далеко отсюда, в волшебные края, где люди живут счастливо и беззаботно! О, если бы я обладал чудесной силой, чтобы предотвратить ту участь, которая вас ожидает!

Энни поморщилась:

– Остановите поток высокопарных речей, Джордж, и отвечайте попросту: вы действительно меня любите?

– Больше жизни! – ответил он, покрывая ее руку поцелуями.

– Тише! Вы разбудите няню... Если вы меня действительно любите, докажите это.

– Как? Не понимаю... О чем вы говорите, любимая?

– Давайте обвенчаемся, как можно скорее!

– Обвенчаемся? Разве это возможно? Но ваши родители, но мои родители? А король? Боже мой, а как же король? – сэр Джордж встал и растерянно посмотрел на Энни.

– Какое вам дело до них до всех, включая короля, если вы меня любите? Мы обвенчаемся, и никто не посмеет разлучить нас.

– А король?

– Король может развестись со своей женой, но даже он не сможет заставить чужую жену развестись с ее мужем.

Сэр Джордж побледнел, отвел глаза, вынул кружевной платочек и вытер губы.

– Вас что-то смущает, Джордж? – спросила леди Энни, пытаясь поймать его взгляд.

– Вы плохо знаете короля, – ответил он, мельком взглянув на нее и снова отведя глаза. –

Он не выносит ни малейшего противления своим желаниям. Он способен на все. Понимаете – на все!

– В таком случае, наше счастье будет коротким; может быть, мы погибнем, но мы все-таки будем вместе, – твердо сказала Энни.

– Нет, нет, нет, моя несчастная Энни, вы не представляете себе последствий этого поступка! Король расценит нашу женитьбу как прямой вызов ему, как оскорбление! – сэр Джордж в ужасе воздел руки вверх.

– Значит, вы отказываетесь от меня? – голос Энни напрягся и зазвенел.

– Отказаться от вас? Разве это возможно? Разве можно отказаться от воздуха, от воды, от света? Отказаться от вас означает отказаться от жизни, дорогая Энни! – вскричал сэр Джордж.

– Тише, пожалуйста, тише! Я вас не понимаю. Что же вы предлагаете?

– Увы мне, горькому страдальцу! Я должен буду наблюдать, как злая судьба безжалостно отнимает у меня мою любимую! Зачем я только полюбил вас, зачем дожил до этого дня! – сэр Джордж начал рвать на себе волосы.

– Перестаньте, Джордж, вы сейчас больше похожи на неумелого актера из балагана, чем на доброго мужественного человека, каким я вас знала, – одернула его Энни. – Скажите прямо: вы отказываетесь обвенчаться со мной?

– Обвенчаться с вами? Это моя самая заветная мечта!

– Так вы согласны?

– Если бы я мог! О, если бы я мог!

– Так вы не согласны?

– Потерять свое счастье?

– Ответьте: да или нет?

– Вы слишком жестоки, Энни! Если бы вы могли почувствовать, что со мной происходит! Меня словно четверговали, разорвали на части; мои страдания невыносимы! Меж сердцем и рассудком нет согласия; душа болит, и слезы льются потоками из глаз моих!

– В конце концов, вы можете сказать определенно?

– Хочу сказать я «да», но не могу!

– Не можете?

– Но как бы я хотел сказать вам «да» и повести вас к венцу, и ангелы нам пели бы супружеские гимны, и Пресвятая Дева осенила бы наш брак своею благодатью, и скрепил бы его Господь невидимой, но прочною печатью, и....

– Хватит! Я вас поняла. Вы хотели бы, но не можете. Наше венчание не состоится... Ладно, я выйду замуж за короля! – с отчаянной решимостью проговорила Энни. – Прошу меня извинить, но я должна оставить вас. Уже наступила ночь, давно пора спать. Да и что подумает его величество, если ему доложат о вашем позднем визите ко мне, милорд.

– О, не будьте так суровы со мной, Энни! Я умру от горя, если вы отнимете у меня всякую надежду на ваше расположение! – он схватил руку Энни.

Энни выдернула руку и громко позвала няню:

– Няня! Няня! Проснитесь! Сэр Джордж нас покидает.

Няня встрепенулась и поспешно встала с кресла, поправляя чепчик и добродушно улыбаясь после хорошего сна.

– Благодарю вас за визит, милорд, – холодно произнесла Энни и позвонила в колокольчик, вызывая дворецкого.

– Я был счастлив засвидетельствовать вам свое почтение, дорогая леди, – уныло ответил он.

– Дворецкий проводит вас до выхода. Спокойной вам ночи и спокойных дней, – Энни сделала реверанс и в сопровождении няни удалилась из гостиной.

Сэр Джордж с тоской проводил ее взглядом, глубоко вздохнул, одел перед зеркалом шляпу и перчатки, поправил перевязь шпаги, и вслед за сонным дворецким пошел к выходу из дома.

Часть 4. Заседание парламента

Внеочередное заседание парламента вызвало повышенный интерес публики. Галерея, предназначенная для гостей, быстро заполнилась, хотя до открытия заседания было не меньше часа. Парламент должен был принять обращение к святейшему папе с просьбой разрешить развод его величества короля с ее величеством королевой. Всем было интересно, что скажут достопочтенные члены парламента по поводу королевского развода, поэтому за места на гостевой галерее платили большие деньги, и нашлись оборотистые джентльмены, неплохо заработавшие на этом.

Погода в этот день выдалась плохая: еще накануне было ясно, тепло и солнечно, но ночью поднялся холодный ветер, небо затянулось тяжелыми тучами, полил ледяной дождь, а утром посыпались густые хлопья мокрого снега. Городские улицы немедленно покрылись слякотной грязью, а местами стали вовсе непроходимыми, но даже это не остановило любопытствующих: кто верхом, кто в карете, кто в портшезе, кто на своих двоих, – они добирались сквозь снег и грязь до унылого безликого здания парламента, чтобы присутствовать на историческом заседании.

Старый сэра Френсис, сотрапезник короля, тоже явился сюда со своим племянником Джоном.

– Нипочем бы не поехал в такую мерзкую погоду в такое мерзкое место, если бы ни ваша добрая матушка, моя любимая сестра, – ворчал он, усаживаясь в кресло в одной из гостевых лож.

– Но согласитесь, дядя Френсис, сегодняшнее заседание имеет судьбоносное значение для нашей страны. Обидно было бы не приехать и не посмотреть на все своими глазами, – возразил Джон.

– Наивный молодой человек! Вы думаете, судьбоносные решения принимаются на виду у публики, что процесс их обсуждения выносится на всеобщее обозрение? Нет, важные решения принимаются без лишних ушей и без лишних глаз, и мы никогда не узнаем, как и почему они принимаются, – глубокомысленно произнес сэра Френсис.

– Я понимаю, дядя, но мне интересно послушать, что будут говорить уважаемые джентльмены из парламента, – сказал Джон.

– Вот в этом я с вами соглашусь, сэра племянник! Здесь, в парламенте, много интересного. Какие грандиозные сделки здесь совершаются, какие деньги делают тут! А какая игра здесь ведется, и с каким мастерством ее ведут здешние джентльмены! – произнес сэра Френсис, жмурясь от удовольствия. – Что там ваш театр с его жалкими лицедеями! Настоящей подлинной игрой вы можете насладиться только тут. Какие таланты блистают в этих стенах! Видели бы вы, как господа из парламента умеют изображать сострадание, жалость, праведность, благородный гнев, искреннюю заботу, неустанный труд. Какой энергией полны их речи, каким огнем пышут их очи, как дрожат их голоса! А какие жесты, какая походка, какая осанка, – да, редко найдешь актера, подобного этим джентльменам... Впрочем, есть тут, конечно, и люди, не имеющие особых дарований; больше того, скажу вам откровенно, таких здесь большинство, но какой же спектакль обходится без статистов? Пусть они не умеют связать двух слов, пусть они необразованные, неграмотные, грубые и глупые, – это не важно. Их задача – обеспечить игру ведущих актеров и поддержать сценическое действие. Без них не было бы театра.

– Хорошо, ну, а что вы скажете о верхней палате парламента, дядя? – спросил Джон, смеясь.

– Верхняя палата? Ее назначение – служить примером для нижней палаты. «Вот чего можно достичь, если верно служить королю», – как бы говорит верхняя палата нижней. Должности, звания, богатство, власть, – все дано джентльменам из верхней палаты. С высоты сво-

его положения они лениво и снисходительно наблюдают за суетой джентльменов из нижней палаты, как сытый кот наблюдает со своей лежанки за возней мышей на полу.

– Я вижу, вы прекрасно разбираетесь в парламентском механизме, – саркастически заметил Джон. – Отчего бы вам самому не попробовать себя в политической деятельности?

– В молодости я был слишком ленив, чтобы это сделать, а теперь я стал слишком стар, чтобы заняться этим. Моя жизнь прекрасна: я завтракаю в компании с его величеством, имею место при дворе, у меня есть, пусть и небольшой, но стабильный доход, – чего еще желать в моем возрасте? Но лет тридцать назад мне предлагали выдвинуть мою кандидатуру в нижнюю палату парламента с гарантией того, что я обязательно буду избран. Да, я вращался в парламентских кругах и поныне имею в них приятелей. Откуда, вы думаете, у меня появилась гостевая ложа? Мои друзья так почитают короля, что ловят каждое его слово, а поскольку я завтракаю с его величеством, то и рассказываю им о его настроениях, и о некоторых его изречениях. Эти люди умеют быть благодарными, поверьте, молодой человек! – сэр Френсис потрепал племянника по плечу.

– Вы лично знаете парламентариев? – удивился тот.

– Конечно. Со многими я знаком, о других наслышан. Могу утверждать, что они относятся к особенному, можно сказать, избранному роду человечества. Я знаю среди них, по меньшей мере, десяток убийц, около пятидесяти бандитов и почти сотню крупных воров, не считая мелких жуликов, аферистов и шулеров. Исключительные качества натуры этих джентльменов позволили им достичь успеха на поприще политики. Не кривитесь, сэр племянник, вы молоды и не понимаете очевидной истины, – для того чтобы добиться чего-нибудь в нашем мире, надо отбросить некоторые обременительные условности, – сказал сэр Френсис.

Джон дернул головой, но ничего не ответил.

В зале становилось душно; галерея для гостей была заполнена народом так плотно, что люди стояли на ней, прижавшись друг к другу. Палата заседаний, занимавшая весь нижний ярус зала, была освещена множеством нещадно коптивших масляных ламп, отчего над верхней галерей висел густой едкий туман. Расположившиеся в отдельных ложах счастливицы недовольно оглядывались на простую публику и морщились от гомона толпы.

Парламентарии уже собрались. Представители верхней палаты, явившиеся на совместное заседание с нижней, чинно сидели на первых скамьях, не обращая никакого внимания на публику, лишь изредка на их лицах проскальзывало выражение некоторой брезгливости. Кресло короля пустовало; по слухам, его величество не собирался сегодня приезжать в парламент, дабы не оказывать своим присутствием давление на парламентариев при принятии ими важного решения.

Ожидание становилось утомительным; пора было открывать заседание, но почему-то задерживался председатель парламента.

– Что-то случилось, наверное, что-то случилось, – говорил Джон, ерзая на стуле, – странно, что председателя все еще нет.

– Как это – нет? – сказал сэр Френсис, снисходительно улыбаясь. – Он давно приехал.

– Приехал? Но где же он?

– Пьет грог у себя в комнате. В такую сырую и холодную погоду одно удовольствие выпить стаканчик горячего грога, – мечтательно вздохнул сэр Френсис.

– Но, милорд, он же председатель парламента! Его ждут, сегодня должно быть принято важнейшее решение. Нет, это невозможно; что вы говорите, дядюшка! – возмутился Джон.

– Почему бы человеку не выпить грога, если ему хочется выпить, и у него есть такая возможность? – проникновенно спросил сэр Френсис. – Председатель вообще любит выпить, а выпивая сейчас, он, во-первых, получает удовольствие, – что является самым главным в жизни; во-вторых, подкрепляет свои душевные и физические силы, готовясь к речи, которую он должен произнести; в-третьих, показывает собственную значимость, ибо без него не может состо-

яться обсуждение первостепенной государственной проблемы; в-четвертых, создает необходимую в сегодняшнем заседании драматическую обстановку. Только подумайте, сколько пользы заключает в себе всего один стакан грога.

– Невозможно, нет, невозможно! Уверен, что вы ошибаетесь, дядя, – сказал Джон.

– А вам хотелось бы, конечно, чтобы тут была некая тайна и высший смысл? Молодой человек, поверьте мне, жизнь – необыкновенно простая штука. Все ее загадочные явления имеют наипростейшие объяснения, поэтому, чтобы не умереть от скуки, мы придумываем себе тайны.

– Нет, я не согласен с вами! Мне кажется, вы упрощенно смотрите на мир, – возразил Джон.

– Не соглашайтесь, дорогой племянник, не соглашайтесь! Пока вы сохраняете веру в чудеса, вам веселее будет жить... Но глядите, вот он, председатель! Какая красная у него физиономия, – видимо, от ветра и от холода на улице... Что же, вы дождались исторического события, сэр Джон, – заседание начинается.

Секретарь парламента ударил в гонг, и зал затих, приготовившись выслушать речь председателя. Гостей, однако, постигла большая неприятность: его слова отчего-то разносились только по нижнему ярусу парламента, почти не достигая галереи. Публика заволновалась; люди сначала напряженно вслушивались, а потом стали переглядываться и шептаться:

– Черт возьми, ничего не слышно! Что он сказал? А? Не понимаю, что он говорит? Откуда я знаю, что он говорит? Ничего не слышно!

Джон, пытаясь разобрать речь председателя, наполовину свесился из своей ложи.

– Сэр Джон, если вы хотите, чтобы ваше имя попало в историю, вы выбрали исключительно правильный момент. Если вы теперь свалитесь вниз и разобьетесь, то в протоколах парламента это непременно будет отмечено. Таким образом, о вас долго будут вспоминать: «А, это тот молодой человек, который разбился во время исторического заседания парламента!» Или: «Это историческое заседание парламента примечательно еще и тем, что во время него разбился некий сэр Джон!» Пожалуйста, если хотите получить посмертную славу, можете высунуться из ложи еще немного, – и готово! Мне, правда, придется вытерпеть слезы и упреки вашей матери, но не думайте об этом, – я справлюсь, – флегматично произнес сэр Френсис.

– Но не слышно же ничего, дядя! – отчаянно воскликнул Джон.

– Экая беда! Но я вас утешу: я могу пересказать вам, о чем говорит наш уважаемый председатель, и о чем станут говорить наши честнейшие и мудрейшие парламентарии.

Джон сел на стул и взглянул на сэра Френсиса, пытаясь определить, шутит он, или говорит серьезно:

– Вам известно содержание их речей?

– Я знаю, что они должны сказать, и знаю их характеры, поэтому знаю и то, как они это скажут.

– Ну, – разочарованно протянул Джон, – ваш рассказ будет весьма приблизительным.

– Зато я поведаю вам о некоторых мотивах выступлений наших ораторов, о коих сами эти джентльмены никогда вам не поведают. Вы ведь любите скрытые мотивы, сэр племянник. Впрочем, я не настаиваю; от духоты меня клонит ко сну, и я с удовольствием вздремну до конца заседания, если вы не имеете желаний меня слушать, – сэр Френсис удобнее устроился на своем кресле и закрыл глаза.

– Извините, дядя, я не хотел вас обидеть. Не засыпайте, прошу вас! Скажите, о чем говорит председатель?

Сэр Френсис лениво потянулся, распрямился и посмотрел вниз.

– В данную минуту он благодарит его величество за высокую честь, предоставленную парламентау в решении главного государственного вопроса, – сообщил сэр Френсис. – О, даже слезы потекли по щекам нашего уважаемого председателя, – мастер, настоящий мастер! За

это его и ценит наш государь и прощает ему небольшие вольности в отношении каких-то там общинных земель... Парламентарии в восторге от королевской милости. Многие вскакивают со своих скамей и что-то выкрикивают, видите? Понятное дело, – они требуют составить особый благодарственный вердикт в адрес его величества. Председатель полностью разделяет их чувства.

А теперь, обратите внимание, как изменилось выражение его лица: печаль и скорбь сменили благодарственную гримасу; почтительность, однако, сохранилась. Предстоит рассказ о разладе в королевской семье из-за неспособности ее величества родить наследника мужского пола. Уверен, что голос председателя дрожит, когда он говорит об этом. Ни слова осуждения в адрес королевы, упаси боже, лишь сожаление о том, что Господь не дал ей сына. Члены парламента внимают председателю с тоской, головы их опущены, и тяжелые вздохи услышали бы мы, если бы были там, внизу.

Сэр Френсис, сделав паузу, покосился на публику на галерее: люди в ложах и на стоячих местах были заняты собственными разговорами по поводу происходящего. Тем не менее, сэр Френсис подошел ближе к племяннику и понизил голос:

– Убежден, что среди наших парламентариев нет ни одного человека, который не желал бы избавиться от ее величества. Королева не умеет расположить к себе людей, к тому же, всем прекрасно известно об отношении к ней государя. Развод будет утвержден единогласно, но надо соблюсти правила игры. Вот председатель заканчивает свою речь, – и вот она, ключевая фраза: «Тяжелая государственная необходимость вынуждает короля смиренно просить святейший престол о расторжении брака с ее величеством». Могу ручаться, что я передал вам слова председателя близко к тексту, а сказано это им, хоть и с горечью, но и с сознанием своей правоты, твердо и сурово. Он исполнил свою роль без сучка, без задоринки, – мастер, мастер, мастер!..

Боюсь, дальнейшее будет неинтересно. Парламентарии на разные лады станут повторять пассажи речи председателя, ни на шаг не отступая от заданного им тона. Труднее всего придется сенаторам, – представляю, каких усилий им будет стоять борьба со сном.

Сэр Френсис откинулся на спинку кресла и перевел дух.

– Можно было бы спокойно ехать домой, да народу здесь чересчур много. Наш уход будет замечен, – прибавил он с сожалением.

– Уехать? Когда судьбоносное решение еще не принято? Да вы что, издеваетесь надо мной? – поразился Джон.

– А вы разве сомневаетесь, что решение будет принято? Неужели я вас не убедил? – сэр Френсис удивленно поднял брови при этом вопросе племянника. – В следующий раз, когда будет меньше народа, я отведу вас в кулуары парламента перед началом какого-нибудь очередного заседания, и вы увидите, как парламентарии общаются между собой и как они договариваются со своими клиентами, то есть я хотел сказать, с людьми, с которыми они связаны. Там решаются все вопросы, там идет настоящий торг, там совершаются сделки, – а здесь лишь зрелище, предназначенное для публики. Все решения уже приняты, можете не сомневаться, сэр!

– Да, но как же? Если мы приехали, то... как же? – пролепетал Джон.

– Успокойтесь, сэр племянник! Мыждемся конца заседания. Я совершу сей подвиг для вас. Но мои предположения уже начинают сбываться. Смотрите, слово берет почтенный сэр Арчибальд. Это ставленник небезызвестного сэра Джеймса, члена Королевского Совета. Сэр Арчибальд превзошел египетских жрецов и этрусских царей в искусстве магии: деньги делает просто из воздуха – еще три года назад был беден, а ныне владеет огромным состоянием. Если у вас в кармане завалилась монета-другая, держите их крепче, а не то в один миг они окажутся в руках сэра Арчибальда! Не улыбайтесь, молодой человек, ваше счастье, что вы не испытали на себе силу его магии. Этого джентльмена не привлекли к ответственности лишь потому, что он охотно ссужает короля, когда его величество ощущает нехватку наличных

средств. Сэр Арчибальд имеет все шансы стать сенатором, если его не казнят до тех пор. Если позволите, дорогой племянник, я не буду пересказывать вам речь этого славного человека, так как в ней не прозвучит решительно ничего нового по сравнению с речью председателя...

Итак, сэр Арчибальд высказался, и сэр Джеймс может быть им доволен. Ну-с, кто следующий?.. Что?! Невероятно! Мой старый друг сэр Гуго берет слово!

– Почему невероятно? Кто такой сэр Гуго? – улыбнулся Джон.

– Как, вы не знаете сэра Гуго? Да он нянчил вас, когда вы были еще ребенком! Неужели вы не помните его? Мой старый друг сэр Гуго, вы должны его помнить.

Джон пожал плечами.

– Эх, молодежь! Не знать одного из самых выдающихся людей нашего королевства, – укоризненно сказал сэр Френсис.

– Чем он знаменит?

– Как же! Старейший член парламента, несколько раз менявший своих политических союзников, переживший всех своих покровителей, умнейший человек – сэр Гуго! Если бы он был адмиралом, его прозвали бы «Непотопляемый». А какая твердость характера, – за всю жизнь ни разу не изменил своим принципам, то есть всегда был верен себе и никогда не предал собственные интересы... Он не любит выступать, предпочитает оставаться в тени, зачем же он сегодня взял слово? Вот теперь я могу лишь пожалеть вместе с вами, что ничего не слышно. Впрочем, я так хорошо его знаю, что постараюсь понять, о чем он станет говорить. Помолчите, Джон, ради бога, помолчите несколько минут, – я буду всматриваться и вслушиваться.

Сэр Френсис перегнулся через барьер ложи и застыл в напряженном внимании.

– Ах, вот оно что! Ай да сэр Гуго! – воскликнул он, принимая прежнее положение на кресле. – Вот она – старая школа политики! Нынче уж нет таких людей, – нет, сэр, даже не ищите! – сэр Френсис вздохнул.

– Но расскажите же мне, о чем говорил сэр Гуго? Ну, дядя, ну, мне же интересно! – взмолился Джон.

– Охотно расскажу. Учитесь, молодой человек, как надо вести политику, – назидательно произнес сэр Френсис. – Мой старый друг Гуго, полностью согласился с тем, что говорили председатель и сэр Арчибальд, но попросил не забыть о дочери королевы и его величества – о принцессе Марии. Сэр Гуго напомнил уважаемым парламентариям, что она является наследницей престола до тех пор, пока у короля не родится сын, поэтому необходимо, чтобы принцесса Мария не покинула страну и получила содержание, подобающее ее званию.

– Принцесса Мария? Но причем здесь принцесса Мария? – не понял Джон. – И в чем вы видите особую мудрость вашего друга, упомянувшего о ней?

– Эх, молодо-зелено! – вздохнул сэр Френсис. – Вы не умеете широко мыслить и далеко смотреть... Упомянув о принцессе Марии, сэр Гуго одним выстрелом убил четырех зайцев. Читайте: первое – король ненавидит королеву, но привязан к дочери. «Королева уедет, но Мария останется с отцом», – фактически сказал сэр Гуго и заслужил тем самым милость короля. Второе – император, батюшка ее величества, могущественнейший государь, будет рад узнать, что его внучка объявлена наследницей престола, не так ли? Понимаете, о чем я вам толкую?.. Третье – принцесса Мария станет получать приличную сумму из казны. Для этого нужно будет ввести дополнительные налоги, а кто ведает сбором налогов, я вас спрашиваю? Сэр Джеймс – вот кто! Я думаю, вам не надо объяснять, каким влиянием он пользуется при королевском дворе? И разве сэр Джеймс не будет благодарен сэру Гуго за то, что влияние это еще больше увеличится, да и сбор дополнительных налогов – прибыльное дельце... Четвертое – предположим, только предположим, что у его величества так никогда и не родится наследник мужского пола. Тогда в будущем нашей королевой станет Мария. Вряд ли она забудет тех, кто преследовал ее мать, но сэр Гуго уж точно не пострадает от королевы Марии, – ведь именно он, единственный, позаботился о принцессе Марии сегодня.

Заседание английского парламента. Гравюра XVI века.

– Бог с вами, дядюшка! – замахал руками Джон. – Ваше последнее предположение нелепо. Как может быть, чтобы у его величества не родился сын!

– Все может быть в этом мире. В том-то и состоит преимущество старых политиков над нынешними, что они просчитывают все варианты и в любом случае остаются на поверхности, – сказал сэр Френсис. – Что за умница мой друг Гуго! Учитесь, молодой человек, учитесь у таких, как он.

– Я боюсь, дядя, что ваш приятель заглядывает слишком далеко, – засмеялся Джон. – Даже если когда-нибудь нами станет править королева Мария, доживет ли сэр Гуго до этого?

– Кто знает день своей кончины? Время бывает благосклонно к старикам и беспощадно к юношам. Мудрый человек не загадывает вперед, он готовит свое будущее... Затем, позвольте мне, дорогой племянник, все-таки вздремнуть; дальнейшие выступления парламентариев уж точно неинтересны. Публика ничего не потеряла, не услышав их. Разбудите меня, мой милый, когда парламент единогласно примет решение о разводе короля, – и затем я свожу вас в прелестное местечко, где вкусно кормят и хорошо развлекают. Сколько можно держаться за юбку матери, сэр, пора становиться настоящим джентльменом, черт возьми!

* * *

В то время, когда заседал парламент, Генрих сидел в своем кабинете и пытался написать сонет, посвященный леди Энни, однако вместо звучных стихов с плавными рифмами из-под его пера выходили кривые строчки с убогим содержанием:

Ты – чудесный цветок, леди Энни!
Ароматом твоим опьяненный
Я дивлюсь на тебя целый день,
Не безумный, но просто влюбленный!
Пощади, пощади, короля,
Выйди замуж, скорей, за меня!

Генрих мучился третий час подряд, и все напрасно. Он ходил по кабинету, ломал перья, кинул табурет в слугу, попавшегося под руку, расстегнул камзол, выпил стакан красного вина, съел цыпленка, попробовал спеть свой сонет под лютню, – ничто не помогало!

Настроение короля испортилось вконец, и чтобы хоть как-то приободриться, он допил начатую бутылку вина, а потом потребовал еще одну. Хорошие стихи так и не родились в голове Генрих, зато пришла здравая мысль о том, что королю вовсе не обязательно заниматься стихосложением, потому что у него есть более важные дела. Отчасти утешенный этим соображением Генрих съел второго цыпленка, после чего настроение короля уже значительно улучшилось. В неплохом расположении духа он встретил мастера Хэнкса, пришедшего с докладом.

– Вы прибыли из парламента?

– Да, ваше величество.

– Господь милосердный! В такую противную погоду ездить в такое противное место!

– По долгу службы, ваше величество.

– Ваша служба тяжела, мастер Хэнкс!

– Да, ваше величество.

– Но не тяжелее королевской, – вздохнул Генрих и отпил добрый глоток вина.

– Конечно, ваше величество.

– Благодарю вас за сочувствие, мастер Хэнкс! Ладно, докладывайте, что парламент? Принял решение?

- Единогласно, ваше величество.
- Отличная работа, мастер Хэнкс.
- Благодарю вас, государь.
- Было ли что-нибудь примечательное?
- Да, ваше величество. Выступление сэра Гуго.
- Кого, кого?.. – переспросил Генрих, от удивления пролив вино из стакана.
- Сэра Гуго, ваше величество.
- Неужели того самого сэра Гуго, который заседал в парламенте еще при моем батюшке?
- Того самого, государь.
- Я думал, он давно умер.
- Нет, ваше величество. Он по-прежнему заседает в парламенте.
- Какой живучий старик! И в чем смысл его выступления?
- Он предложил выделить из казны дополнительные деньги на содержание принцессы

Мариин, поскольку по закону она является вашей наследницей, пока у вас не родится сын. По этому же закону наследница престола не может покинуть пределы королевства, о чем также напомнил сэр Гуго, – Хэнкс многозначительно посмотрел на короля.

– Так, так! Понимаю, – Генрих залпом допил вино и весело сказал: – А голова у старика варит, недаром его ценил мой отец. Подумать только, как много лет работает на пользу государства этот сэр Гуго! Надо будет наградить почтенного старца соответственно его выдающимся заслугам, сегодня же отдам распоряжение.

- Ваша милость безгранична, государь, – сказал Хэнкс.

Король развалился на кресле и положил руки на живот.

– Имея решение парламента, я могу направить теперь посольство к святейшему папе с официальной просьбой о разводе, не так ли, мастер Хэнкс?

- Безусловно, ваше величество.

– Остается выбрать руководителя посольства. Как вы считаете, кого следует назначить? – король задумчиво почесал бороду.

- Сэра Хью, ваше величество, – сразу же ответил Хэнкс, как будто ждал этого вопроса.

– Что вы сказали? Чье имя вы назвали? – Генрих подумал, что Хэнкс оговорился.

- Сэра Хью, государь, – подтвердил Хэнкс, выдержав взгляд короля.

– Вы с ума сошли! Он же круглый дурак! Вспомните, в прошлом году он вел переговоры о таможенных пошлинах с нашими союзниками, – и дело едва не закончилось войной. Вы с ума сошли! Как можно назначить послом сэра Хью! – Генрих от возмущения выпил еще стакан вина.

Хэнкс подождал, пока король утолит жажду, а после сказал:

– Позвольте пояснить? По моему скромному мнению, сэр Хью идеально подходит для этой миссии. Он исполнитель, пунктуален, честен и принадлежит к знатной семье. Разумеется, сэр Хью не лишен некоторых недостатков: в частности, он не может разобраться в ряде вопросов – именно поэтому на дипломатических встречах сэр Хью, опасаясь совершить какую-нибудь ошибку, много раз возвращается к одним и тем же проблемам, подолгу советуется со своими помощниками, сверяется с документами и по каждому поводу запрашивает инструкции вашего величества, – терпеливо ожидая возвращения курьеров. Все это, конечно, несколько раздражает его партнеров по переговорам, но в данном случае как раз такой человек и должен быть послом. Итоги его дипломатической миссии известны заранее: святейший папа не разрешит вам развестись с королевой. Но сэр Хью, стараясь оправдаться в ваших глазах, станет вести переговоры с особенной тщательностью и скрупулезностью. Все формальности будут соблюдены сэром Хью неукоснительно, а когда папская сторона прервет переговоры, – я уверен, что так оно и случится, – то никто не сможет обвинить нас в том, что это произошло по нашей вине. Неимоверные усилия сэра Хью договориться с папской властью защитят нас

от подобных обвинений. Вы, ваше величество, заявите папе, что хотели добиться развода по всем правилам, ваш посол сделал все что мог, поэтому вы снимаете с себя ответственность за последствия срыва переговоров.

– Я вас явно недооценил, мастер Хэнкс, – покачал головой Генрих. – Вы достойны стать членом моего Совета.

– Благодарю вас, ваше величество, но мое происхождение не позволяет мне занять такой высокий пост. С вашего позволения, я останусь при своей должности, – сказал Хэнкс.

– Она всегда будет вашей! Всегда, пока вы верно служите королю, – высокопарно произнес Генрих. – Итак, пусть завтра же начнут снаряжать посольство, и пусть позовут ко мне сэра Хью!

Часть 5. Развод

Зима в этом году не наступила: на Введение установились было холода и снег плотно покрыл землю, но на Рождество потеплело и пошли дожди, а на Крещение уже по-весеннему грело солнце и пахло талой водой. Вскоре пришла настоящая весна, – начали распускаться ранние цветы и прилетели первые птицы. Воздух был легкий и прозрачен, небо украсилось тонкими белоснежными облаками, – одним словом, дух легкомыслия витал повсюду.

Дворцовая жизнь в эту зиму могла бы быть очень занятой и веселой, по крайней мере, до Великого Поста, но была безрадостной и однообразной. Из-за неопределенности положения в королевской семье праздники не проводились, а обязательные дворцовые церемонии были скучны и унылы. Придворные с нетерпением ожидали возвращения королевского посольства, направленного к папе, полагая, что, получив развод с королевой, его величество не замедлит жениться на леди Энни, и тогда свадебные торжества вознаградят королевский двор за печаль зимних месяцев.

В ожидании ответа папы необходимо было соблюдать все положенные внешние приличия, поэтому король редко встречался с леди Энни, но каждая их встреча вызывала оживленные толки при дворе. Знающие люди утверждали, что юная леди стала относиться к его величеству с большим вниманием, чем прежде, а король просто без ума от нее. Целыми днями из покоев Генрих доносились звуки игры на лютне, а временами – голос его величества, выкрикивающего какие – то стихи.

Генрих, действительно, был безумно влюблен в Энни. Впервые он понял, что такое любовь, и она охватила его целиком, лишив всех других интересов, покоя, сна, и даже аппетита – король заметно похудел за эту зиму.

Невозможность немедленно удовлетворить свою страсть приводила короля в неистовство. Все вызывало у него досаду; иногда он приходил в бешенство, иногда впадал в глухую тоску. Боясь окончательно потерять рассудок, Генрих часто выбегал в парк и бродил по его аллеям из конца в конец или сидел на своей любимой скамейке под вязом.

За долгие годы брака с Екатериной сердце короля охладело к женщинам: он испытывал к ним симпатию, влечение, легко завоевывал их и проводил бурные ночи, полные амурных забав, но любить женщину он был не способен, как ему казалось, ибо в каждой из них он находил что-то присущее своей жене. Но Энни была совсем не похожа на нее, решительно ничего общего, и счастье, поэтому, было возможным, несомненным и бесспорным. Мечтая о счастливой жизни с Энни, Генрих ясно представлял себе и своего сына, которого она родит ему, – король ни минуты не сомневался, что Энни родит ему наследника.

В таких мечтаниях Генрих проводил день за днем до тех пор, пока Хэнкс не доложил ему о полном провале переговоров с папой. Посольство еще не вернулось, и сэр Хью не прислал еще итоговый отчет, тем не менее, Хэнкс пришел с точным докладом о результатах его миссии. Король отрешенно смотрел на Хэнкса, сидя в пол-оборота на скамейке, и с трудом старался понять, о чем тот говорит.

– ...Отказано, – слышал Генрих голос Хэнкса, доносящийся как будто издали. – Хотя сэр Хью исполнил свою миссию по всем правилам, с должным уважением к его святейшеству... Однако первый представитель папы выбросился из чердачного на второй неделе переговоров. Следующий представитель папы скончался от удара через месяц, прямо во время беседы с сэром Хью. Кардинал... был третьим, кто вел переговоры с сэром Хью... Очень твердый и жесткий человек, известный своей выдержкой... Кто бы мог подумать? Внезапно уехал в Африку проповедовать Евангелие среди людоедов... Сэр Хью в отчаянии.

– Мы его утешим: я назначу сэра Хью в свою канцелярию, – машинально сказал Генрих и встрепенулся. – Папа отказал мне в разводе? Окончательно?

- Полагаю, другого решения не будет, – ответил Хэнкс.
- Следовательно, я могу теперь развестись с Екатериной в любое время, даже завтра? – Генрих от радости вскочил со скамьи.
- Напомню вам, ваше величество, что это означает разрыв со святейшим престолом.
- Пусть, но я женюсь на Энни!
- Император станет вашим злейшим врагом.
- Зато я женюсь на Энни! – закричал Генрих так громко, что испугал гвардейцев, охранявших парк. – Вы – славный человек, мастер Хэнкс, но вам не ведома любовь, – прибавил он. – Что мне папа с его проклятьем, что мне император с его враждой, когда у меня будет Энни!
- Вы правы, ваше величество, мне этого не понять, – кивнул Хэнкс. – Но кто же расторгнет ваш брак с ее величеством и соединит вас с леди Энни? – поинтересовался он через секунду.
- Архиепископ, естественно, – беспечно сказал Генрих, улыбаясь своим мыслям. Хэнкс покачал головой.
- Архиепископ не пойдет против воли папы. Он скорее воспротивится вашему величеству, чем ему.
- Тогда он поплатится за это, – уже раздраженно воскликнул Генрих, перестав улыбаться.
- Конечно, ваше величество. Но кто, в таком случае, возглавит нашу церковь?
- Кто возглавит?.. Черт возьми, да я и возглавлю! – воскликнул Генрих, просияв лицом. – Недаром я зовусь защитником веры, – пора оправдать этот мой титул.
- Гениально, ваше величество! Гениальное решение, – низко склонился перед королем Хэнкс.
- Генрих довольно погладил бороду и принял величавый вид.
- Да не дерзнет никто ослушаться королевского приказа! Никто! – вы слышите меня, мастер Хэнкс?
- Я вас понял, ваше величество, – сказал Хэнкс.

* * *

Сэр Джеймс боялся верить своему везению, хотя в глубине души считал, что достоин милости судьбы. Все последние годы он шел к победе; он просто не мог не победить. И вот, пожалуйста, – одно к одному все сложилось так, что лучшего нельзя было бы и желать! Раздоры в королевской семье, увлечение короля юной красавицей Энни, письмо королевы, провалившаяся миссия сэра Хью, отказ сэра Томаса признать новые порядки в государстве и в церкви, – одно к одному!

При мысли о сэре Томасе на лице сэра Джеймса невольно появилась злорадная улыбка. Выступить явным образом против короля, – такого поступка от сэра Томаса никто не ожидал. Каким идиотом оказался умный сэр Томас, – и теперь ему конец!

Сэр Джеймс хохотнул от восторга, и тут же осекся, ибо неприлично смеяться высокому государственному деятелю, даже если его не видят; впрочем, чтобы всегда быть серьезным, надо иметь большую привычку. Дабы отвлечься от веселых мыслей, сэр Джеймс отодвинул занавеску и стал смотреть в окно кареты на городские улицы. Дома в этой части города принадлежали зажиточным достойным гражданам, поэтому были построены крепко, надежно и без лишних затей. Зачем тратить на украшения, к чему выставлять напоказ свое богатство? Истинная красота спрятана в глубоких подвалах в надежных сундуках, ибо что может быть красивее золота? Красота денег – высшая красота на свете, потому что ей подчиняются все другие красоты.

Сэр Джеймс очень хорошо понимал этих достойных граждан, и, слегка презирая их за скупость, чувствовал себя здесь в своей тарелке. Сколько незримых нитей тянулось в этот

квартал от полей с хлебами и от лугов с овцами, и от кораблей с товарами, и от ремесленных мастерских, и от торговых лавок! Сколько жизней зависело от хозяев этих крепких домов: сколько мужчин, женщин, детей и стариков по милости их хозяев получали кусок хлеба или умирали голодной смертью! Богатые люди – соль земли, властители судеб: их отметил Господь, вознаградив и возвысив их.

Сэр Джеймс довольно потер руки и подумал, что напрасно не взял с собой секретаря: тот бы сейчас записал эти слова.

Карета, между тем, подъехала к дому сэра Арчибальда, в котором собрались друзья сэра Джеймса. Слуги сэра Арчибальда отличались редкой сообразительностью, поэтому выбежали встречать сэра Джеймса на улицу, что они делали лишь в случае приезда очень важного гостя. Их особая угодливость свидетельствовала о том, что сэра Джеймса ждут с нетерпением и придают его визиту исключительное значение.

Едва сэр Джеймс стал подниматься по лестнице, сэр Арчибальд устремился к нему навстречу, перешагивая через ступени.

– Добрый день, дорогой сэр Джеймс! Для меня огромное счастье принимать вас в моем доме! Как ваши дела? – говорил он, почтительно улыбаясь и стремясь поддержать гостя под локоть, чтобы тому было легче подниматься.

– Благодарю вас, любезный друг! Дела неплохи. Что наши приятели, собрались? – отвечал сэр Джеймс, позволяя увлекать себя наверх.

– О, да, все собрались! Какая радость для меня видеть столько уважаемых джентльменов в моей гостиной! – с восторгом сказал сэр Арчибальд.

– У вас сегодня собралась компания не хуже той, что собирается в парламенте, не правда ли? – пошутил сэр Джеймс.

– Гораздо лучше, милорд, гораздо лучше, поверьте мне! – сэр Арчибальд для убедительности приложил руку к груди.

Сопровождаемый радушным хозяином сэр Джеймс в одну минуту добрался до большой гостиной, где томились в ожидании его друзья. При виде сэра Джеймса они так дружно бросились к нему с приветствиями, что чуть не повалили его на пол.

– Спокойнее, джентльмены! – отчаянно вскричал сэр Арчибальд, прижатый к дверному косяку. – Позвольте нам войти!

Сэр Джеймс продолжал улыбаться, потирая ушибленное плечо.

– Итак, джентльмены, – сказал он, убедившись, что порядок восстановлен, – король разорвал отношения с его святейшеством и в самое ближайшее время провозгласит себя главой нашей церкви!

– Сэру Джеймсу – ура, ура, ура! – воскликнул сэр Арчибальд, и все собравшиеся грянули «ура» вместе с ним.

Сэр Джеймс поклонился им и поблагодарил:

– Спасибо, друзья, но вы несколько преувеличиваете мое участие в решении этого вопроса.

– О, нет, несколько! Без вас ничего бы не было! – запротестовали его приятели.

– Благодарю вас. Но вы меня не дослушали, джентльмены, а у меня есть еще новости. Вы знаете, что как только король объявит себя главой церкви, он немедленно разведется с королевой, чтобы жениться на леди Энни. Так вот, участь королевы решена! Сегодня утром по приказу его величества ей сказали, что она должна покинуть Лондон сразу после развода, и обязательно до женитьбы короля. Принцесса Мария останется с отцом и будет воспитываться при дворе его величества в качестве наследницы престола.

– Наследница престола? Лишь выжившие из ума старики, вроде сэра Гуго, могут полагать, что она имеет хотя бы один шанс из тысячи стать нашей королевой, – усмехнулся сэр

Арчибальд. – Леди Энни молода и здорова, и его величество полон сил, да продлит Господь его дни, – разве возможно, чтобы у них не родился сын?

– Будем молиться, чтобы он родился! – воскликнул сэр Джеймс. – Но до его рождения наследницей престола по закону, действительно, является принцесса Мария, и ей полагается соответствующее содержание. Придется вводить новые налоги, дабы набрать необходимые деньги, но что поделаешь?

Сэр Джеймс вздохнул и с сожалением покачал головой под завистливыми взглядами своих друзей. Хозяин дома сглотнул слюну и спросил:

– Но что скажет император о нашем разрыве с единой папской церковью и о расторжении королевского брака? Не грозит ли нам война?

– Нет, будьте спокойны, войны не будет. Император по уши увяз в европейских делах, – ему не до нас! – ответил сэр Джеймс.

– А наши внутренние враги? Клянусь Юпитером, сэру Томасу не понравится такой поворот событий! – на лице сэра Арчибальда отразилась тревога.

– Сэр Томас, вы говорите? – переспросил сэр Джеймс как бы в задумчивости.

– Да, а что же сэр Томас? Он влиятелен и у него есть сторонники при дворе, – раздались возгласы гостей.

Сэр Джеймс взвел глаза к потолку и вздохнул. Его друзья замерли, ожидая ответа.

– Сэр Томас арестован сегодня, после того как он отказался возглавить подготовку к церемонии провозглашения его величества главой нашей церкви, заявив, что не может признать короля верховным пастырем верующих, – отчеканил сэр Джеймс, глядя поверх голов своих приятелей.

– Что?! Сэр Томас арестован? Святые угодники, неужели он взаправду арестован? – зашумели они, боясь поверить этой неожиданной радостной новости.

– Правдивее не бывает! – подтвердил сэр Джеймс. – В настоящее время сэр Томас находится в тюрьме на попечении мастера Хэнкса.

– Перст божий! Это – перст божий! – засмеялся сэр Арчибальд, всплеснув руками. – Мы не могли даже представить, что такое возможно!

– Мало того, вместе с сэром Томасом арестован архиепископ и еще несколько человек из их лагеря, – сообщил сэр Джеймс, не скрывая своего удовольствия.

– Силы небесные! Это надо отпраздновать! Эй, слуги, вина побольше! – закричал сэр Арчибальд.

– Погодите, любезный хозяин! – остановил его сэр Джеймс. – Отпраздновать мы еще успеем. Сейчас нам предстоит более важное дело: нужно составить план наших действий на ближайшее время. Я полагаю, джентльмены, вы понимаете, что теперь в государстве произойдут большие перемены, и мы просто обязаны предоставить его величеству подробный план необходимых преобразований. Если вы разрешите, я зачитаю вам соответствующий проект, который я составил. Вы позволите, друзья? Спасибо...

Итак, вначале о том, что касается церкви и церковных имуществ. Довольно папство наживалось за наш счет, – уму непостижимо, сколько денег собирала с нас папская церковь, и на что тратили их святые отцы! Вы отлично знаете, как жили те, кто присвоил себе право распоряжаться нашими душами: невиданная роскошь, неслыханное расточительство, грязный разврат, – и все это на наши деньги. Вся Европа возмущена безобразиями безбожных фарисеев, лукавством присвоивших себе власть и богатство. Слепые, ничтожные поводыри, – они привели нас на край пропасти; не дадим же им столкнуть нас в нее! – сэр Джеймс перевел дух и перевернул страницу. – Напрашивается естественный вывод: те деньги, которые раньше собирались с нашего народа и уходили к папству, теперь потекут к нам... То есть я хотел сказать – в королевскую казну... И его величество вправе потребовать от нас совета, как этими деньгами распорядиться, а также помощи в их распределении.

Само собой разумеется, что монастырское имущество, обогащавшее доныне лишь его обладателей, бесполезных для общества, тоже должно перейти к королю, который, по милости своей, сможет продавать или даровать это имущество дельным людям...

Далее у меня тут есть выписки из трудов некоего немецкого монаха, убедительного доказывающего бесполезность монашества и вредность обогащения церкви. Я думаю, что эти идеи будут привлекательны для народа; по крайней мере, они будут точно привлекательны для почтенных граждан... Но кого же нам поставить главным распорядителем бывшего церковного имущества?

Понятно, что король не станет самолично вникать в хозяйственные мелочи, – сэр Джеймс взглянул на своих приятелей.

– Какие могут быть сомнения? Только вы, милорд, способны справиться с такой задачей! – воскликнул сэр Арчибальд.

– Сэр Арчибальд прав, только вы сэр Джеймс должны распоряжаться имуществом церкви, только вы, – поддержали сэра Арчибальда все собравшиеся.

– Спасибо, джентльмены, за доверие, но я буду слишком занят на государственной службе. Забыл вам сообщить: его величество предложил мне занять освободившийся пост лорд-канцлера.

– О, сэр Джеймс, поздравляем вас! Эта должность соответствует вашим способностям. Примите наши поздравления, сэр Джеймс! – закричали его друзья.

– Так вот, я думаю, что распорядителем церковного имущества должен стать наш дорогой хозяин дома, – сказал сэр Джеймс.

– Вы льстите мне, милорд, – смутился сэр Арчибальд.

– Нет, я всего лишь отдаю дань вашим заслугам. А в помощь вам мы создадим Особый Комитет, в который войдут наши единомышленники. Я говорю про вас, друзья мои! Уверен, что вы наилучшим образом распорядитесь церковными богатствами, и поэтому я завтра же отрекомендую вас его величеству.

Джентльмены, нам предстоят великие дела! Бездельники-бедняки, немощные и слабые, несут на себе печать Божьего проклятия, а мы благословенны Господом. Именно мы, добывающие свой хлеб в поте лица своего, отмечены Богом, и с помощью Бога и короля мы установим новые порядки в нашем государстве. Не на бездельников и пьяниц будем мы опираться, а на сильного хозяина. Сильные люди построят сильную страну, и весь мир удивится ей и содрогнется перед ее величием!

– Ура сэру Джеймсу! – снова закричал сэр Арчибальд.

– Ура! Ура! Ура! – поддержали его собравшиеся.

– Еще раз благодарю вас, джентльмены, – поклонился им сэр Джеймс. – Ну, а теперь не грех что-нибудь выпить и закусить.

– Прошу вас, сэр Джеймс, прошу вас, джентльмены, – засуетился хозяин. – Слуги, эй, кто там? Несите мясо, дичь, паштеты, рыбу, сыр, – все, что приготовили повара, – и вина, бездельники, больше вина! Упаси вас боже, негодяи, если кто-нибудь из моих гостей пожалуется на голод или жажду!

Королевский Совет.
Неизвестный художник.

* * *

Впервые за последние месяцы королевские сотрапезники были приглашены к утреннему застолью его величества. По случаю теплой и сухой погоды завтрак состоялся в парке, под открытым небом. Весеннее утро было нежным и томным, как взгляд влюбленной девушки; солнце ласково светило на отроческую зелень деревьев, а легкий ветерок бережно сдувал остатки ночных туманов из парка.

Генрих поднялся рано, до зари, и за время, прошедшее до завтрака, успел переложить на музыку итальянский сонет:

Я прежде плакал, а теперь пою.
Мое живое кроткое светило
От глаз моих лица не отвратило:
Амур явил мне доброту свою.

Уже давно рекою слезы лью,
И пусть мой век страданье сократило;
Не лавр, не пальма – мирная олива,
Вот дар, что мне несет любовь моя
И жить велит, нежна и терпелива.

Напряжение творческих сил вызвало у короля жесточайший голод, поэтому в первые полчаса завтрака Генрих усердно пережевывал еду и не мог поддерживать разговор за столом:

он отвечал на слова сотрапезников только выразительным мычанием, удивленным покачиванием головы и многозначительным поднятием бровей. Наевшись, король утер пот со лба и вытянулся на своем большем удобном кресле. Попивая белое сладкое вино, он благодушно оглядел присутствующих и остановил взор на сэре Френсисе.

– Я рад, что вы поправились, милорд, – сказал Генрих. – Как ваше здоровье, что ваша простуда, прошла? Как вы себя чувствуете сегодня?

– Благодарю вас за заботу, государь. Сегодня я чувствую себя неплохо, хвала Асклепию! – растроганно ответил сэр Френсис, который за всю свою жизнь никогда не болел, а в последние месяцы не появлялся на королевских завтраках просто потому, что его не приглашали.

– Слава богу! – довольно произнес Генрих. – А то мы уже стали беспокоиться о вас. Нам не доставало вашего присутствия; в частности, мне хотелось побеседовать с вами о живописи. Недавно к нам приехал иностранный художник, который хочет писать мой портрет. А что вы думаете о живописи, сэр Френсис?

– Судить о живописи легче легкого, ибо для того чтобы рассматривать картины, не надо даже уметь читать, – сказал сэр Френсис. – Да будет вам известно, ваше величество, что вся живопись делится на пять родов в зависимости от своего предназначения.

– Вот как? – Генрих поднял брови. – До сих пор мы ничего не знали о такой классификации. Сделайте одолжение, продолжайте. Поразительно, сколько вы всего знаете!

– С вашего позволения, государь, скажу, что человек подобен смолянному шару, катящемуся по дороге, – чем дальше он катится, тем больше всего к нему прилепляется; главным образом, всякой дряни, но иногда попадаются и жемчужные зерна. Я уже очень долго качусь по дороге жизни, и потому много чего понабрался, в том числе приобрел и полезные знания. А если что не знаю, так на это есть опыт, есть голова, – уж голова-то меня не подведет! – сэр Френсис шутливо похлопал себя по затылку.

– Мы в вас нисколько не сомневаемся, милорд. Но вернемся к живописи: что за пять родов имеются у нее? – спросил Генрих.

– Пожалуйста, ваше величество, слушайте. Первый род – это живопись для поднятия аппетита. Она изображает превкуснейшие вещи, которые дразнят наше зрение и усиливают выделение желудочных соков. Сейчас есть искуснейшие мастера гастрономической живописи, умеющие так нарисовать нежный розовый окорок или омара с лимонами, что картины эти, кажется, источают запах кушаний, которые на них изображены. Мне этот род живописи нравится больше всего, – искусство здесь поднялось на один уровень с философией, которая учит нас наслаждаться благами земными, и соединилось с медициной, придающей первостепенное значение правильному питанию для здоровой жизни.

Второй род живописи – мечтательный. Он показывает нам приятные для глаз виды, вызывающие душевную негу и расслабление – предвестники крепкого сна. Когда смотришь на все эти морские заливы, лесные опушки, горные ручейки, полянки и цветочки, то глаза слипаются сами собой, рот открывается в зевоте, – и не надо никакого макового семени, чтобы заснуть. Понятно, что второй род живописи также полезен для здоровья, как и первый, и должен следовать за ним по порядку.

– Превосходно! Ваша классификация пока что очень удачна, – сказал Генрих. – Переходите к следующим разрядам.

– Вы слишком добры ко мне, ваше величество, – поклонился сэр Френсис. – Продолжаю. Третий род живописи посвящен Венере и Амуру. На полотнах живописи этого рода изображены соблазнительные женские тела и пикантные ситуации, волнующие плоть, горячащие кровь, призывающие к любовным подвигам. Как жаль, что во времена моей молодости к нам едва начали проникать такие картины! Уверен, что если бы прогресс не запоздал придти в наше королевство, у меня сейчас было бы вдвое больше приятных воспоминаний...

Живопись четвертого рода связана с марсовыми забавами. Стремление подраться – такое же естественное чувство у людей, как желание поесть или поспать. Но суровый Марс, легко распоряжаясь тысячами жизней, сам робеет перед Венерой, – и как часто она руководит им! Настоящая война, – это всегда страсть; не бывает войны без любви, ибо война ведется из-за любви: из-за любви к власти, к деньгам, к славе, к женщине. Военная живопись показывает нам отображения этих видов любви: покорные народы, трепещущие перед победителем; разграбленные города, лишившиеся несметных богатств. Военная живопись показывает и прославленных полководцев, под копытами коней которых корчатся раздавленные враги; поля битв, усыпанные изуродованными трупами; и конечно, златокудрых богинь, возлагающих венки на головы героев... Разве это не прекрасно, ваше величество? Дай бог, чтобы войны не прекратились; без них человечество сойдет с ума...

Пятый род – религиозная живопись. Без нее нельзя: если не напоминать постоянно о Боге, то о нем, пожалуй, совсем забудут в наш век сомнений и безверия. Помимо того, сколько чувств, тающихся в глубинах души, показано в пятом роде живописи: страх, наш вечный спутник в жизни, воплощен в жутких картинах дьявольских видений и потусторонних сил; страдание, наполняющее наше существование высшим смыслом, и уж точно болью, – зримо предстает перед нами в муках Господа и святых угодников. Ну, а можем ли мы жить без поклонения и подчинения, – не они ли дают нам уверенность в завтрашнем дне? Мы ищем раболепия, и его также находим в религиозной живописи.

– Bravo! – захопал Генрих. – Вы еще раз доказали, что вы тонкий эстет и глубокий знаток искусства. Не правда ли, джентльмены?.. Однако помогите мне разрешить одну проблему, милорд.

– Я весь во внимании, ваше величество.

– Проблема вот в чем. Как я уже сказал, недавно к нам приехал известный художник, который хочет написать мой портрет. Сей живописец сделал несколько эскизов, которые меня весьма удивили. Представьте себе, джентльмены, этот художник изобразил меня таким, каков я есть, со всеми недостатками моей фигуры. Я у него выгляжу дородным грузным мужчиной с большим животом. К чему нам этот реализм? Я был уверен, что живопись должна облагораживать внешность человека, а тут что получается? Может быть, этот художник имеет саркастический склад ума, может быть, он хочет выставить меня на всеобщее посмешище? Но кто дал ему право насмеяться над королем? Если тебе предоставлена великая честь рисовать портрет государя, то рисуй его серьезно, отбрось вольные мысли, – так я считаю. Король должен быть красив, строен и высок, – будь любезен изобразить его именно таким, сохранив при этом, однако, черты схожести... Но я хотел бы, все же, услышать ваше мнение, сэр Френсис. А кстати, к какому разряду вы относите портретную живопись? Вы не упомянули о ней в вашей классификации.

– Гм, портретная живопись? – сэр Френсис тонко улыбнулся. – Я не стал говорить о ней, поскольку она не относится к какому-то самостоятельному роду. Все зависит от того, кто изображен на портрете. Если, к примеру, ваш добрый собутыльник, то это – живопись для поднятия аппетита; если ваша любовница, то это – любовная живопись, ну и так далее.

– К какому же роду относится мой портрет? – рассмеялся Генрих.

– К пятому роду, ваше величество, – уверенно сказал сэр Френсис. – Власть короля – власть Божья; король есть особа священная, должна вызывать уважение и страх. Религиозные чувства, испытываемые нами к Богу, мы испытываем и к королю.

– Славно сказано, милорд, – растроганно проговорил Генрих. – Вы добрый подданный, вы верный подданный!.. Стало быть, художник должен изображать меня так, как изображают Господа, не имеющего, как известно, недостатков?

– О, нет, ваше величество! Извините великодушно мою неслыханную дерзость, но я с вами не соглашусь! – воскликнул сэр Френсис.

– Не согласитесь? Отчего?

– От того, что Господа никто из нас не видел, но нам дано великое счастье видеть вас, государь. Несходство вашего портрета с оригиналом может вызвать нежелательные толки; а то еще, чего доброго, найдутся злопыхатели, которые скажут, что живописное изображение совершеннее реального короля, – спаси нас, боже, от сих крамольников! Разочарование подрывает авторитет, ваше величество. Зачем же давать повод гнусной породе недоброжелателей источать ядовитый смрад иронии? Нет, пусть тот, кто увидит ваш портрет, с гордостью скажет: «Да, это наш государь! Таким мы его знаем, таким мы его любим!» – тут сэр Френсис внезапно заплакал. – «Король наш велик, мудр, милосерден», – продолжал он сквозь слезы. – «Он отважен и добр! И какое нам дело до его тучности и его живота? Мы любим нашего государя таким, каков он есть!»

От этих слов Генрих разволновался. Сдавленным голосом он просипел:

– Значит, вы полагаете, гм-гм, что художнику следует продолжать работу, гм, в реалистическом стиле?

– Да, ваше величество, – справившись с собой, ответил сэр Френсис. – Полагаю также, что с вашего портрета надо будет сделать как можно больше копий и распространить их по всем государственным учреждениям. Пусть в каждой казенной палате присутствует ваше изображение; пусть каждый чиновник помнит, кто его благодетель и повелитель.

– Хорошая мысль, мы подумаем об этом, – сказал Генрих. – Спасибо за компанию, джентльмены, – прибавил он, обращаясь к своим сотрапезникам. – Надеюсь еще не раз увидеть вас за своим скромным завтраком.

* * *

Закончив утреннюю трапезу, король отправился в гости к леди Энни. Он решил поехать к ней домой, пренебрегая существующими нормами этикета. Королевский кортеж, сильно уменьшенный по случаю этого необычного частного визита, пробился через сутолоку центральных улиц Лондона в тихий район, в котором доживали свой век ушедшие со службы чиновники. Дом отца леди Энни выделялся из общего ряда других таких же небольших домов свежеекрашенным фасадом и расчищенной, посыпанной битым кирпичом площадкой перед крыльцом.

Пока посланцы короля сообщали хозяину радостную весть о прибытии его величества, к дому собрались любопытные, каким-то образом узнавшие, кто именно приехал с визитом к леди Энни. Разглядев в окне кареты короля, они стали усиленно кланяться и повторять одно и то же:

– Государь! Ваше величество! Государь! Ваше величество! – причем, чем больше они это повторяли, тем больше рос их восторг. Если бы конные гвардейцы не сдерживали этих людей, то его королевскую карету, наверное, перевернули бы, и король мог бы пострадать от столь бурного проявления верноподданнических чувств. К счастью, его посланцы вернулись очень скоро и под ликующие крики толпы отвели Генрих в дом. При этом, как король ни торопился на свидание с Энни, он должен был остановиться на крыльце и поприветствовать своих добрых поданных, – отчего они с таким яростным воодушевлением полезли вперед, что не обошлось без раздавленных.

Отмахнувшись от встречающих его родителей леди Энни, король вбежал в гостиную, через открытую дверь которой он увидел свою возлюбленную. Родители переглянулись, не зная, последовать ли им за его величеством или оставить влюбленных наедине.

– Свидание без нашего присутствия – это будет неприлично, – прошептал отец. Он дал знак жене идти в гостиную и сам пошел следом, кланяясь и улыбаясь с такой почтительностью, как будто находился не в собственном доме, а на приеме в королевском дворце.

Энни присела в поклоне перед королем, но он поспешно ее поднял со словами:

– Оставьте, прошу вас, оставьте эти церемонии! Для вас я не король, а просто ваш Генрих, пришедший выразить вам свое восхищение, свою преданность и свою любовь.

– Ваше величество! Позвольте мне... Позвольте нам с женой... – отец леди Энни хотел произнести заготовленное приветствие, но Генрих не слушал его. Взяв за руку леди Энни, он сказал:

– Если бы вы знали, как я скучал по вас, милая Энни! Сколько времени прошло с нашей последней встречи: неделя, месяц, год, десять лет? Мне кажется, я не видел вас целую вечность. А вы, – вы соскучились по своему Генриху? Как бы я хотел, чтобы вы чувствовали ко мне хотя бы малую долю того, что я чувствую к вам!

– Ваше величество, позвольте узнать, как ваше... – пытался спросить отец Энни, но Генрих встал к нему спиной и взял леди Энни уже за обе руки:

– Отчего вы молчите, любовь моя? Вы не рады меня видеть?

– Больно, ваше величество! Вы больно сжали мне руки, – сморщилась она.

– Ах, извините! У вас такие хрупкие тонкие, изящные ручки, их так и хочется целовать, – и Генрих стал покрывать ее руки поцелуями, а потом попытался обнять Энни.

– Ваше величество! Государь! Умоляю вас! Опомнитесь, Генрих! – отчаянно воскликнула она, вырываясь из крепких объятий короля.

– Моя жена, ваше величество, тоже очень счастлива лицезреть вас в нашем доме, – блаженно улыбаясь, сказал отец Энни. – Вы не смотрите, что она молчалива; просто она такая редкая женщина, – мало говорит. Правда, жена? Вот, кивает, – значит, счастлива!..

– Вы меня совсем не любите, – обиженно произнес Генрих, выпуская Энни из своих объятий. – Ни одного поцелуя, ни одной ласки я еще не получил от вас.

– Я согласилась выйти за вас замуж, – ответила она, покраснев. – Но мы пока не муж и жена.

– Но мы будем мужем и женой! – вскричал король. – На следующей неделе я стану главой нашей церкви, и первое, что я тогда сделаю, – разведусь с Екатериной. Наша с вами свадьба – это лишь вопрос времени.

– Ваше величество! Боже мой, кто бы мог подумать, что я выдам дочь замуж за короля! – всхлипнул отец Энни. – Жена, ты могла подумать, что мы выдадим дочь за его величество? А?.. Молчит!.. Не обращайтесь на нее внимания, ваше величество, она с детства молчалива, – такая редкая женщина...

– А что будет с королевой после развода? – спросила леди Энни.

– Она покинет Лондон, а дочь останется со мной, – вам же известно решение парламента? До рождения у меня наследника принцесса Мария имеет все права на престол. Я люблю свою дочь, но, надеюсь, мы с вами славно потрудимся, чтобы лишить ее короны, – Генрих обнял Энни за талию.

– Ваше величество! Генрих! Дождемся свадьбы, – Энни решительно отстранилась от него. – Вы нетерпеливы, как юноша.

– Я и есть юноша, потому что мое сердце наполнено чистым молодым чувством. По моим ощущениям мне сейчас не больше двадцати, но, в отличие от любви незрелого юнца, моя любовь крепка, как гранит. Каким беспцельным и тоскливым было мое существование до встречи с вами! «Земную жизнь пройдя до половины, я оказался в сумрачном лесу»... О, моя милая леди, видели бы вы, какие чудища терзали мою душу! Церковь учит нас, что душа бессмертна, но моя душа почти умерла, во всяком случае, – для добрых побуждений. Вы, любимая Энни, спасли меня; увидел вас и кажется, что это чудесный сон, небесная мечта! «Вы мне исторгли душу, очистили ее и в плоть опять вернули!»

– А вы хорошо знаете итальянскую поэзию, ваше величество, – заметила Энни с легкой усмешкой.

– Она созвучна нежной любовной песне, звучащей в моем сердце, – ответил Генрих. – Милая Энни, разделите мою любовь, ответьте на нее, и мы будем самой счастливой супружеской парой на земле, клянусь вам!

Энни вздохнула:

– Я согласилась выйти за вас замуж.

– Это и много, и ничего, – Генрих тоже вздохнул и оглянулся на будущего тестя. – Милорд, я привез подарки невесте и ее родителям, как полагается жениху. Вам их доставят через несколько минут.

– Ваше величество, Господи помилуй, мог ли я ожидать?.. Благодарю вас, о, благодарю вас, ваше величество! Ваша щедрость и ваша доброта безграничны, – отец Энни поклонился так низко, что коснулся пола длинными прядями своих жидких волос.

– Пустое. А у вас уютно... А это ваша жена, моя будущая теща? Почему она все время молчит?

– Да она, ваше величество...

– Очень хорошо! – перебил его король. – После того как я разведусь с Екатериной, вы получите субсидию. Вам нужно будет купить новый дом: королевский тесть должен жить соответственно.

– Ваше величество... Ох, простите, сердце закололо! – отец леди Энни схватился за грудь.

– Очень хорошо, очень хорошо! – рассеянно пробормотал Генрих, отвернулся от него и снова взял за руку Энни.

– Ваше величество, если вы еще чем-нибудь сегодня обрадуете моего отца, он умрет, – сказала она, встревожено глядя на своего батюшку.

– Очень хорошо, очень хорошо, – машинально повторил Генрих. – Не будем об этом... Так могу ли я надеяться на то, что ваше чувство ко мне когда-нибудь будет столь же сильным, как и мое к вам?

– Надеяться можно всегда, – неопределенно сказала Энни.

– Спасибо и на этом. Напоследок всего один поцелуй в вашу румяную свежую щечку... Благодарю вас, мой ангел! Прощайте, любимая моя, и готовьтесь к свадьбе! Прощайте, мой дорогой тесть, прощайте, моя дорогая теща.

– Ваше величество, разрешите проводить вас до кареты, – засуетился отец Энни.

– Пустое! Возьмите подарки, вот их принесли... Еще раз прощайте, сердце мое, – обратился он к Энни. – Не дождусь дня, когда мы с вами встанем перед алтарем.

* * *

Мастер Хэнкс шел по Лондону, вглядываясь в повседневную жизнь его обитателей и вслушиваясь в их разговоры. Хэнксу докладывали, что в городе все спокойно, но он желал сам удостовериться в этом. Действительно, все было спокойно: никаких тревожных признаков, решительно ничего подозрительного Хэнкс не обнаружил.

Не довольствуясь одними наблюдениями, он вступал в беседы с горожанами. Его наружность вызывала доверие – одежда добротная, неброская, поношенная, но опрятная; лицо широкое, открытое, несколько глуповатое; речь основательная, немного корявая – идеальный тип горожанина с небольшим достатком. Он заходил в лавки и аптеки, обошел длинные ряды рынка, потолкался на площади перед соборной церковью, – за день он переговорил с несколькими десятками человек и понял, что завтра не будет никаких волнений, связанных с провозглашением короля главой церкви. Не будет волнений и при разводе королевской четы.

Вполне удовлетворенный проделанной работой, мастер Хэнкс зашел в харчевню и пообедал, ни в коей мере не злоупотребляя ни едой, ни вином. За обедом ему вполголоса рассказали скабресный анекдот про королеву Екатерину, которую называли просто Кэйт, и Хэнкс весело

посмеялся над этим анекдотом, хотя по закону за оскорбление особ королевской крови и рассказчику, и слушателю полагалось четвертование.

Однако после обеда настроение мастера Хэнкса не только не улучшилось, как это происходит со всеми живыми существами на свете, но, напротив, ухудшилось. Когда он подошел к Тауэру, лицо Хэнкса потеряло добродушное выражение и приняло угрюмый и усталый вид. Часовой у ворот, из числа молодых солдат, не узнал мастера Хэнкса и грубо прикрикнул на него, когда тот попытался войти. На этот окрик из караульного помещения выскочил другой солдат, постарше; завидев Хэнкса, он поспешно отворил калитку в воротах. Дождавшись, пока Хэнкс скроется во дворе, старый солдат что-то прошептал на ухо своему молодому товарищу, и тот вдруг побледнел.

Миновав множество коридоров, подъемов и спусков, мастер Хэнкс остановился перед низкой дверью, обитой кованым железом. Он отослал надзирателя, сам отодвинул засовы и вошел в камеру. Она была достаточно вместительной и светлой, с тремя окнами. В камере стояла кровать, около нее – стол с креслом, в углу еще один стол с умывальными принадлежностями, а в другом углу – сундук, в котором обычно хранят одежду и белье.

Багровые лучи заходящего солнца, преломляясь о решетку окон, раскрашивали потолок камеры кровавыми узорами. Они пылали над головой человека, который сидел за столом в глубокой задумчивости.

Хэнкс еще больше помрачнел.

– Сэр Томас! – позвал он, и его голос гулко разнесся по камере.

Сэр Томас вздрогнул и оглянулся на дверь. При виде Хэнкса он улыбнулся и спросил с несвойственной веселостью:

– Вы пришли навестить меня, мастер Хэнкс? Очень мило с вашей стороны. Меня никто, кроме жены, не навещает. Неужели вы арестовали всех моих друзей?

– Арестован архиепископ и еще несколько человек, среди которых лишь двух-трех можно назвать вашими друзьями, – сообщил Хэнкс.

– Арестован архиепископ? Помилуй боже, кто же разведет теперь короля с королевой? – продолжал вопрошать сэр Томас.

– Пусть это вас не беспокоит, милорд. Король, возглавив церковь, назначит нового архиепископа, который и утвердит развод согласно королевской воле и решению парламента. Думаю, вам не надо объяснять, что кандидатов в архиепископы у нас великое множество.

– Да? И кого выбрали? – поинтересовался сэр Томас.

– Одного из многих, – коротко ответил Хэнкс.

– Исчерпывающая характеристика. Но если у вас все отлично, мне непонятно, почему вы не пускаете ко мне друзей? Вы чего-то боитесь?

– Чего можно бояться в королевстве, в котором народ предан своему королю? – сказал Хэнкс.

– Тогда отчего вы запрещаете посещения? Чтобы дополнительно помучить меня? Это распоряжение его величества? – продолжал допытываться сэр Томас.

– Каждый день от восхода до заката солнца вас может навещать любой человек. Никаких запретов ни для кого нет, – отчетливо проговорил Хэнкс, и в голосе его промелькнуло мимо-летное торжество.

– Нет? Никаких запретов? – переспросил сэр Томас, изменившись в лице.

– Вы ведь, собственно, не арестованы, а лишь временно задержаны, – сказал Хэнкс.

– Но тем более непонятно, почему ко мне никто не приходит, – невнятно пробормотал сэр Томас, а потом вдруг покраснел и опустил голову.

Хэнкс вздохнул:

– Ваша беда в том, что вы слишком хорошо думаете о людях. Простите меня, милорд, но даже дети – не такие наивные, как вы! Впрочем, я не стал бы вас разочаровывать и оставил бы

в плену ваших иллюзий, но я пришел по важному делу и хочу, чтобы вы отнеслись к нему со всей серьезностью, отбросив ваши мечтания. Его величество всегда ценил и продолжает ценить ваш ум, опыт, талант государственного деятеля. Его величество считал и считает вас образцом честности и неподкупности. Его величеству хотелось бы, чтобы вы еще долго служили ему и государству.

– Поблагодарите его величество за доброе мнение обо мне и передайте, что я готов вновь приступить к службе... Как только меня выпустят из тюрьмы, – с горечью произнес сэр Томас.

– Чтобы вам выйти из тюрьмы, милорд, от вас требуется всего лишь обещание не высказываться публично против развода их величеств и против главенства короля над нашей церковью. Не высказываться публично, – подчеркнул Хэнкс последнее слово.

– Всего лишь? – сэр Томас покачал головой.

– Не торопитесь с ответом, милорд.

– Я не тороплюсь, – сказал сэр Томас. – Мне теперь некуда торопиться. Самое устойчивое и прочное положение человек приобретает после падения. Того, кто упал, трудно вывести из состояния равновесия. И поэтому я отвечу вам сейчас, тем более что давно и окончательно все для себя решил... Я не против развода короля, я – против последствий этого развода. Правда, мне кажется странным, что разводы существуют: неужели два близких человека не могут понять и простить друг друга, и жить так, чтобы согреть один другого душевным теплом? Если муж с женой не могут договориться, если единая плоть рвется напополам, то чего требовать от людей не родственных, чужих по языку, по вере, по убеждениям?

Томас Мор, лорд-канцлер Англии, отказавшийся признать Генриха VIII главой церкви и считавший его развод с Екатериной Арагонской недействительным.

Портрет работы Г. Гольбейна.

Но я не нахожусь в плену иллюзий, в чем вы меня упрекаете, нет, я понимаю, что когда семейная жизнь безнадежно испорчена, и муж с женой не могут или не желают ее исправить, – тогда развод становится для них лучшим выходом. Бог соединяет сердца, а дьявол их разъединяет, – и эта борьба вечно идет на свете...

Пусть так. Пусть будут разводы, – мне ли выступать против того, что предопределено! И пусть бы их величества развелись, но их развод приведет к ужасным последствиям. Я высказывал опасения, что развод этот может закончиться для нас войной, но откровенно говоря, такая вероятность невелика, – я специально сгущал краски. Гораздо страшнее другое – главенство

короля над церковью. Святейший папа, опьяненный своим могуществом, не разрешает королю развод; король, опьяненный любовью, рвет отношения с папой: все складывается как нарочно для того, чтобы сэр Джеймс и его друзья смогли дорваться до власти. После этого ростки благого будут задушены. Алчность, корыстолюбие, нажива заполнят общество болотной гнилью и заразят его смертельной лихорадкой. В тоске, изболевшись душой, будет вопрошать человек: «Для чего я живу? Где Бог? Где справедливость?» – и не найдет ответа, ибо там, где все измеряется деньгами – нет Бога, и невозможна справедливость...

Я вас спрашиваю, могу ли я принять все это?.. Молчите? Правильно, ответ не нужен. Я сделал свой выбор, а вы делайте свой.

– На что вы надеетесь? – скривился Хэнкс. – О каких ростках благого вы говорите?

– Я говорю о том благе, о стремлении к правде и добру, которое всегда жило в душах людей. Надо только создать условия, при которых семена дадут всходы.

– Только создать условия? – Хэнкс издал что-то вроде короткого смешка. – И кто создаст такие условия?

– Я писал об этом в своих книгах. Есть духовные пастыри, светлые умом и чистые душой. Они бы взяли на себя управление государством и устроили бы такие порядки, при которых люди были бы разделены на разряды в зависимости от своих интересов и природных наклонностей. Каждый разряд трудился бы в своей отрасли для общего благоденствия, а не для личной выгоды и корысти отдельных индивидуумов. Пастыри же с отеческой заботой распоряжались бы делами всего общества, помогая всем его членам развиваться правильно и без порочных отклонений.

Никто не испытывал бы зависти и вражды друг к другу, но если все же нашлись бы субъекты, по каким-либо причинам вносящие хаос в идеальный справедливый порядок, то их бы причислили к преступникам и заставили бы выполнять тяжелые работы, от которых были бы избавлены прочие члены сообщества. Но таких отщепенцев было бы немного, а со временем их совсем не стало бы, потому что на протяжении жизни двух-трех поколений все люди совершенно преобразились бы, и зло покинуло бы нашу землю. Тяжелые же работы стали бы выполнять механизмы, изобретенные умельцами-мастерами.

– Мудро, – сказал Хэнкс. – Механизмы – это мудро. Но где набрать столько добрых и честных пастырей? И согласятся ли негодяи, чтобы ими управляли честные люди; и не перестанут ли честные люди быть честными людьми, управляя негодьями?.. Боюсь, ваши мечтания так и останутся мечтаниями. Восторжествует добро, говорите вы? Если оно и восторжествует, то лишь на Страшном Суде. Вот там никому не помогут ни звания, ни должности, ни богатства.

– Вы сказали, что я слишком хорошо думаю о людях, и в этом моя беда. А ваша беда в том, что вы не любите людей и не верите им, – сэр Томас с сочувствием посмотрел на Хэнкса.

– Если учесть, что это вас, а не меня, посадили в тюрьму, то моя беда ничтожна перед вашей, – жестко ответил Хэнкс.

Сэр Томас отвернулся от него и принялся смотреть в окно. Хэнкс откашлялся и глухо проговорил:

– Вернемся к делу, по которому я к вам пришел. Король не потерпит ослушания. Вас князят.

– Очень жаль. Я люблю жизнь и хотел бы жить долго. Однако бывают моменты, когда надо умереть, для того чтобы остаться человеком, – сэр Томас вздохнул и вдруг опять улыбнулся, вовсе некстати.

Взгляд Хэнкса стал свинцовым.

– Прощайте, сэр Томас. Впрочем, я еще к вам приду. В последний раз, чтобы сопроводить вас по долгу службы...

– Прощайте, мастер Хэнкс, – ответил сэр Томас, почти уже не видный во тьме, ибо последние лучи солнца угасали в тюремной камере.

* * *

Генрих наш с женой развелся,
Он другою обзавелся.
Папа это запретил,
Но король настойчив был.

Леди Энн – дороже церкви
И спасения души.
Щеки – персик, губы – вишня,
Грудь – тоже хороши!

Старую на молодую
Генрих наш легко сменил.
Кэйт рыдает и горюет:
Муж ей с Энни изменил.

– Эту песенку напевают весь Лондон, – сказал монах Бенедиктус, – и поют ее с мерзким хихиканием и злорадством. Несмотря на королевский указ, запрещающий обсуждать развод короля, эта песенка слышна везде.

– Глупая чернь! Она не понимает, что ее ждет, – презрительно заметила Екатерина. – «Изменил...» Они стали любовниками?

– В грехе живущие греха не боятся, – сурово ответил монах.

– Я не верю. Хотя все может быть; король – бессовестный развратник. Но Энни! Какое целомудрие она изображала! Не дождавшись свадьбы, отдаться этому похотливому чудовищу. Вот это скромница! – Екатерина сухо рассмеялась. – Я не понимаю, почему Господь не накажет их? – сказала она после некоторого молчания. – Я тебе признаюсь, когда проходила эта богомерзкая церемония, – когда король был объявлен главой здешней церкви, – я ждала, что вот-вот грянут громы небесные и испепелят еретиков. Но громы не грянули! Не грянули они и во время церемонии развода... Король здоров и весел, да еще сливается в грехе с этой мерзкой тварью. А меня выгоняют, лишают короны, отнимают дочь... Нет, я не ропщу; не подумай, что я жалуясь на промысел Божий! Я с радостью принимаю ниспосланные мне Господом испытания и не устаю благодарить его за страдания, дарованные мне им по его великому милосердию для очищения моей души. Но я не понимаю, отчего он не накажет грешников, нарушивших все его заповеди?

– Нам не дано понять замыслы Божьи, – внушительно произнес Бенедиктус. – Может быть, он дает грешникам время для раскаяния, но возможно, что божье возмездие уже готово для них, и удар Господа будет нанесен с самой неожиданной стороны. Упивающиеся своей гордыней, своим ложным могуществом, мнящие, что им все дозволено и ни за что не будет воздаяния, – как страшно будут они наказаны и низвергнуты во прах! Никто не уйдет от разящей длани Господа; велико его милосердие, но и ярость его велика.

– Воистину так! – перекрестилась Екатерина.

Вновь наступила пауза.

– Мне приказано оставить Лондон. Ты, конечно, поедешь со мной? – спросила Екатерина у монаха.

– Нет, королева. Я должен остаться здесь, – ответил он, потупив взор.

– Здесь? Ты хочешь остаться здесь? – Екатерина с подозрением посмотрела на Бенедиктуса. – Уж не собираешься ли ты предать папский престол?

– Если понадобится, я предаю не только папу, но самого Господа Бога – во имя их обоих. Если мне прикажут, – загадочно сказал монах, понизив голос.

– Я не понимаю тебя. Ты говоришь страшные вещи. Предать Бога? Кто может приказывать такое? – воскликнула Екатерина с возмущением.

– Когда случается землетрясение, люди выбегают из своих домов, унося с собой самое ценное. Наша церковь ныне шатается; разве не вправе мы поступить также? – глухо произнес монах.

– Все равно не понимаю, – раздраженно сказала Екатерина. – Зачем тебе здесь оставаться? Кто тебе приказал? И почему ты должен предать Бога и папу?

– Прости меня, великая королева, но даже тебе я не могу открыть больше того, что уже открыл. Могу добавить только одно: я остаюсь для благого дела, – Бенедектус поднял глаза на Екатерину, и ей показалось, что взгляд его высокомерен. Она хотела еще что-то сказать, но тут в комнату вбежала фрейлина Сью.

– Как ты смеешь входить ко мне, не спросив разрешения! – прикрикнула на нее Екатерина.

– О, простите, мадам, я не догадалась постучаться, а у дверей в ваши покои никого не было, и поэтому я не знала, что вы заняты! – выпалила скороговоркой Сью, приседая в глубоком поклоне.

– Никого не было? – повторила Екатерина: – Я еще не уехала, а все уже покинули меня... А тебе что нужно от бывшей королевы? – прибавила она, обращаясь к Сью.

– О, ваше величество, для меня вы как были королевой, так и останетесь ею! – горячо сказала Сью, и на ее ясных голубых глазах показались слезы. – Никогда я не забуду вашего доброго ко мне расположения, и всего, что вы для меня сделали!

– Ладно, – смягчилась Екатерина и даже потрепала Сью по щеке. – Говори, милочка, с чем ты пришла?

– Мадам, позвольте мне ненадолго взять вашу личную печать. Помните, я вам говорила о своей несчастной родственнице Мэгги, и вы великодушно согласились ей помочь.

– Да, припоминаю. Я, кажется, обещала оказать ей протекцию. Но что я могу теперь сделать?.. И объясни, ради Бога, зачем тебе понадобилась моя печать? Сегодня все загадывают мне загадки! – сказала Екатерина, опять начиная раздражаться.

– Ах, Мэгги так пострадала из-за своей несчастной любви! – Сью заплакала. – Бедняжку полюбил один очень знатный господин; он оказывал ей явные знаки внимания, дарил дорогие подарки, и вроде бы собирался на ней жениться, но внезапно с ним что-то произошло. Он как бы повредился в уме: стал странно себя вести, непонятно разговаривать, а к Мэгги совсем охладел и был груб с нею. Особенной ненавистью он воспылал отчего-то к ее родственникам. Представляете, какой ужас, – ее отца он в припадке безумия заколол ножом, а брата убил в драке – после чего и сам вскоре испустил дух! Бедная Мэгги от горя тоже едва не сошла с ума, забыла свой христианский долг и хотела утопиться в пруду. К счастью, ее вовремя вытащили.

– Очень трогательная история, – Екатерина вытерла платком уголки глаз. – Хотя в любом случае, твоей родственнице не следовало пытаться покончить с собой. Это – великий грех! – она взглянула на монаха, и тот молча кивнул в знак согласия. – Но я не понимаю, чем моя печать может помочь бедной Мэгги?

– Ваше величество, наверно, забыли, что с вашего позволения я договорилась о том, чтобы бедная Мэгги пожила пока в монастыре Жен Мироносиц, которому вы оказываете покровительство. Сегодня туда отправляется обоз с вашими дарами и провизией...

– К сожалению, последний обоз, – вздохнула королева. – Как-то сестры будут обходиться без моей помощи? И уцелеет ли монастырь в пору лютых гонений на святые обители?..

– Я попросила, чтобы обоз сделал по пути небольшой крюк и забрал Мэгги и ее вещи. Удобный случай, не правда ли, мадам? Ведь несчастная девушка осталась совсем одна после гибели ее родных. Но офицер из сопровождения утверждает, что нельзя без приказа отклониться от маршрута – так сказал этот офицер, мадам! Ваша печать нужна как раз для того чтобы скрепить ею изменение маршрута в подорожной грамоте, – скороговоркой выпалила Сью.

– Так пусть офицер передаст тебе свою подорожную, а я скреплю ее печатью, – сказала Екатерина.

– Я ему так и хотела, но он не согласился. Не отдам, говорит, подорожную грамоту бывшей королеве, – вздохнула Сью.

– Все хотят уязвить и унижить меня, – Екатерина снова вытерла платком глаза. – Нет, вы подумайте, мой обоз, собранный и отправленный на мои деньги, и какой-то офицер из сопровождения ставит мне условия! Вот, возьми мою печать, Сью, и прикажи этому невеже захватить за Мэгги, чтобы отвезти ее в монастырь.

– Вы сама доброта, мадам! – всхлинула Сью.

– Не надо меня благодарить. Я всего лишь стараюсь следовать заветам Спасителя, – смиренно сказала Екатерина; потом не удержалась и со злостью прибавила: – В отличие от тех, кто их забыл!

* * *

Выйдя от королевы, Сью пошла, однако, не к хозяйственным постройкам, где ждал обоз, а к галерее, соединяющей дворец с часовней. В этот час дня часовня была закрыта, поэтому Сью, не встретив тут ни одной души, прошла до середины галереи и свернула к калитке, ведущей в дворцовый парк.

Сделав большой полукруг, Сью приблизилась к высокому каменному забору, который отделял ту часть парка, что примыкала к столовой короля. Около этого забора среди густых кустов орешника стоял неприметный дом. Едва фрейлина вступила на аллею, ведущую к нему, как из-за кустов появился джентльмен в неброской серой одежде. Он учтиво поздоровался с девушкой и спросил ее о чем-то. Получив надлежащий ответ, джентльмен раскланялся и исчез в кустах. Когда Сью подошла к крыльцу, перед ней возник другой джентльмен точно в такой же одежде, как и первый. Он сопроводил ее в дом, где с рук на руки сдал третьему джентльмену в сером, а тот отвел ее в угловую комнату, и, попросив присесть и обождать минутку, скрылся.

Девушка осмотрелась. Комната была самого скромного вида: отштукатуренные стены не были закрыты ни гобеленами, ни картинами, ни входившими в моду фламандскими тканями. Через потолок шли деревянные балки, не крашенные, а просто покрытые олифой. Пол был устлан широкими досками, чисто вымытыми, но тоже не крашенными. В свинцовую раму единственного окна были вставлены слюдяные пластины, которым обеспеченные люди давно предпочли итальянское стекло. Под стать комнате была и ее обстановка: простые деревянные полукресла, скамья у стены и стол безо всяких украшений.

Настроение у Сью упало; ей стало неуютно и тоскливо здесь, но в тот же миг дверь открылась, и в комнату вошел мастер Хэнкс в сопровождении третьего джентльмена в сером. Коротко поздоровавшись с девушкой, Хэнкс спросил:

– Ну что? Принесли?

– Да. Вот она, – сказала Сью, отдавая ему печать королевы.

– Отлично. С нее сейчас сделают оттиск и возвратят вам, – Хэнкс передал печать джентльмену в сером, который сразу же удалился.

– Надеюсь, это займет не очень много времени? Обоз скоро должен отправиться, – встревожилась Сью.

– Не беспокойтесь. Обоз не двинется с места, пока вы не поговорите с офицером. А вообще, ваша забота о троюродной сестре достойна всяческих похвал. Кстати, если она не выйдет замуж и умрет бездетной, ее поместье перейдет к вам, не так ли? Вы ведь ее единственная наследница? – мастер Хэнкс посмотрел на Сью.

– Ах, мастер Хэнкс, я не думаю об этом! Я не переживу, если с моей дорогой несчастной Мэгги что-нибудь случится! – заплакала она.

– Я вас понимаю. Тяжело без родных... Насколько я помню, ваш отец умер от пьянства? А предварительно он успел промотать все свое состояние, совершенно разорив семью. Ваша мать скончалась давно, при родах вашей младшей сестры, а эта сестра с двенадцати лет была известна всей округе своим вольным поведением. В позапрошлом году ее нашли убитой в одном сомнительном доме в Лондоне. Счастье еще, что вам удалось устроиться в свиту королевы, – с большим сочувствием сказал Хэнкс.

Сью заплакала сильнее.

– Ну, ну, не надо расстраиваться! Ваши несчастья уже позади, – продолжал он. – Вы сделали правильный выбор: с сегодняшнего дня вы состоите на службе его величества, ведь вы фактически отдали нам все будущие письма королевы Екатерины. С ее печатью мы можем вскрывать и закрывать их, не вызывая никаких подозрений. Мы уж постараемся, чтобы ни одно из них не осталось нам неизвестным, откуда бы она их не отправила... Если вы и дальше будете хорошо служить нашему государю, вас ожидает обеспеченная жизнь, приличное замужество, достойное место при дворе. Но упаси вас Господь изменить королю! Если вы измените своему супругу это будет всего лишь безнравственный поступок, но измена королю – государственное преступление, помните об этом!

– Зачем вы мне это говорите? – слезы Сью мгновенно просохли. – Разве я способна предать короля?

– Не способны? Отлично, – усмехнулся Хэнкс. – Тогда я не стану рассказывать вам о тех тяжелых последствиях, к которым привело бы подобное предательство. Поговорим лучше о конкретных деталях вашей службы. Итак, Екатерина вскоре покинет Лондон, и после ее отъезда король женится на леди Энни, – таким образом, у нас будет новая королева. Для вас ничего не изменится, – вы служили одной королеве, теперь будете служить другой.

– О, мастер Хэнкс! – Сью обворожительно улыбнулась и поправила волосы, откинув пряди с ушей. – Я стану фрейлиной новой королевы?

– Вот именно, – ответил он. – И вы будете служить ей верно и преданно; королева должна доверять вам настолько, чтобы вы были в курсе всех ее дел, всех секретов. Понятно, что вы будете сообщать обо всем мне, а я – королю. Возможно, у королевы и не возникнет никаких секретов от короля, но кто может знать наперед?.. О размерах вашего вознаграждения поговорим после.

В дверь вошел джентльмен в сером и отдал печать Хэнксу.

– Передайте ее этой молодой леди и проводите нашу гостью до выхода, – сказал ему Хэнкс. – Сюда вы будете приходить лишь в крайних случаях, мои люди скажут вам, как передавать донесения. Помните, я жду от вас усердной работы, – прибавил он, обращаясь к Сью.

Часть 6. Праздник во дворце

Праздник в королевском дворце был великолепен. Большие парадные залы, сверкающие тысячами огней, украшенные бесчисленными гирляндами цветов и пестрыми лентами, были настолько заполнены гостями, что распорядителям праздника с трудом удавалось расчистить место для танцев. Столы с угощением занимали несколько залов, но несмотря на это, и здесь была толчея, и слугам приходилось протискиваться между гостями, чтобы заменить стремительно опустошавшиеся огромные блюда со всевозможной едой и графины с разнообразными напитками.

Праздник начался танцем короля и леди Энни. Счастливицы из числа высшей знати стояли в первых рядах придворных, окруживших центральную часть зеркального зала, где танцевал король; остальные гости поднимались на цыпочки и даже подпрыгивали, стараясь рассмотреть будущую королеву. Сэр Френсис, в силу своей придворной должности пробившийся в первый ряд, привел с собой и своего племянника Джона.

– Вы счастливчик, юноша, – говорил ему сэр Френсис, отпихиваясь от наседавших сзади джентльменов, – у вас столько новых впечатлений! В первый раз попасть в парламент, в публичный дом, на королевский праздник – как это все интересно и занимательно! А мне, признаться, доставляет удовольствие переливать вино из моего ветхого, пришедшего в негодность кувшина в ваш – крепкий и долговечный.

– Я так благодарен вам, дядя! Но напрасно вы хороните себя до времени, вы еще долго будете жить, я уверен! – прокричал Джон, отталкивая дородную даму, хотевшую оттеснить его из первого ряда. – Прошу прощения, миледи! Это мое место! Да, я – джентльмен, и что? Каждый имеет право на то место, которое он занимает, если он может его отстоять. Правда, дядя?

– Сушая правда! Вы умнеете прямо на глазах, молодой человек! – Сэр Френсис с гордостью посмотрел на племянника. – А вот вам, кстати, задача на сообразительность: скажите, отчего так много людей хотят посмотреть на танец короля?

– Я слышал, что король прекрасно танцует. А, кроме того, он – наш государь, и видеть его – счастье для всех нас! – напыщенно произнес Джон.

– Bravo! Повторяйте то, что вы сказали везде и всюду, повторяйте десятки раз – и тогда появится шанс, что ваши слова дойдут до ушей его величества, и уверяю вас, вы скоро сделаете первый шаг по пути к богатству и славе. Однако никому не говорите о том, что я вам сейчас скажу, – сэр Френсис приблизился к племяннику и прошептал: – Да, король хорошо танцует, и уж, конечно, истинно то, что он – наш государь, но давка произошла не из-за этого... Просто в обществе давно ходят слухи, что его величество спит с леди Энни, и она понесла от него. Вот всем и хочется убедиться в том, верны ли эти слухи, – и отсюда такое внимание к королевской паре, точнее, к леди Энни, а еще точнее – к ее животу.

– Вот оно что! – Джон, вытянув шею, стал приглядываться.

– И вы туда же! – сказал сэр Френсис. – Что же, любопытство – одна из извечных людских слабостей, но, возможно, это и самая лучшая черта человеческого характера. Впрочем, не трудитесь, юноша, – вы ровным счетом ничего не разглядите. На леди Энни платье такого покроя, что под ним одинаково может быть спрятан и живот женщины на сносях и животик девственницы... Пойдемте-ка, лучше выпьем чего-нибудь! Ваша матушка, отпуская вас со мной на праздник, взяла с меня слово следить за тем, чтобы вы не злоупотребляли вином. Я обязан выполнить данное обещание, поэтому буду пить вместе с вами, дабы вы были под моим контролем.

– Подождите минуту, дядя! Смотрите, король закончил танец и, кажется, направляется сюда. Все кланяются.

– Поклонимся и мы! Ниже, ниже, перед вами – наш великий государь! – громко сказал сэр Френсис.

Генрих, держа под руку леди Энни, остановился около него.

– А, сэр Френсис! Я вижу, вы уже совсем здоровы! Очень рад. Жаль, что я лишен удовольствия завтракать с вами. Но я так занят личными делами, что, поверите ли, ем на ходу, кое-как, без сотрапезников, – представляете, чем я жертвую во имя этих личных дел? – Генрих с нежностью посмотрел на леди Энни. Она грустно улыбнулась, а сэр Френсис, еще раз поклонившись, почтительно произнес:

– Разрешите, ваше величество, представить вам моего племянника сэра Джона.

– Вот как? Ваш племянник? Хорош молодец!

– Я горжусь им, – сообщил сэр Френсис.

– Это он должен гордиться, имея такого дядю! Вам придется приложить немало усилий, чтобы быть достойным сэра Френсиса, юный джентльмен, – Генрих строго посмотрел на Джона.

– Я постараюсь, ваше величество, стать таким же вашим преданным слугой, как мой дядя, – склонился перед королем Джон.

– Хороший ответ. Напомните мне как-нибудь, сэр Френсис, об этом юноше. Мы подумаем, куда его определить.

– Благодарю вас, ваше величество, – хором ответили дядя и племянник.

Король прошествовал далее, а сэр Френсис и Джон, чувствуя на себе завистливые взгляды окружающих, отправились к столам с едой.

– У вас сегодня действительно удачный день, – сказал сэр Френсис племяннику, выпив стакан бренди и съев два больших ломтика сыра. – Далеко не каждый юноша, попавший в первый раз во дворец, удостоивается благосклонного внимания государя. Фортуна явно благоволит к вам. Молитвы вашей матери дошли до Пречистой Девы; вы сделаете блестящую карьеру при дворе короля Генриха, поверьте моему чутью!

Джон довольно улыбнулся.

– Однако, будь я на вашем месте, я бы предпочел спокойную незаметную должность со стабильным доходом, – ну, как у меня! Беспечная, беззаботная жизнь невозможна ни вверху, ни внизу общественного здания: и тут, и там идет жестокая борьба за существование, – сэр Френсис поднял пустой стакан, и слуга вновь наполнил его бренди. – Вы не согласны со мною, молодой человек? Вам, естественно, хочется власти, почестей, денег? Эх, юность, юность, – не умеешь ты ценить того, что дано тебе; все тебе кажется мало!

– Кто там стоит у двери с пожилым мужчиной? – спросил Джон, чтобы сменить тему разговора. – Нет, вы не туда смотрите; в другой стороне, вон там, видите, молодая леди?

Сэр Френсис прищурился.

– Ах, эта! Убей бог, не помню, как ее зовут... Маргарит, Мэри, Мадлен... Нет, не помню! Она – из древнего рода, почти полностью истребленного и разоренного в минувшую войну. Ее отец, сдастся мне, не прочь поправить свое положение, выгодно выдав дочь замуж.

– Как она мила! – воскликнул Джон, покраснев.

Дядя пристально поглядел на него.

– Осторожнее, сэр племянник, – будьте осторожнее с красивыми порядочными девушками! Не успеете опомниться, как очутитесь перед алтарем.

– Что же в этом дурного? – окончательно смутился Джон.

– Что дурного? И вы еще спрашиваете? Разве не из-за женщины Адам потерял рай? Да уж не любовь ли с первого взгляда поразила вас?

– Но дядя...

– Э, да вас надо спасать, молодой человек! Я просвещу вас на сей счет...

– Любезный! – обратился он к слуге. – Наполни мой стакан! Бренди, бренди, черт возьми, – я ведь не девица, и не безбородый юноша, чтобы пить белое вино! До краев... Вот так, отлично! Слушайте меня, сэра племянник, и постарайтесь осознать то, что я вам скажу. Знайте, что на свете нет ничего глупее женитьбы, и нет ничего более жалкого, чем женатый человек. Женитьба обрекает вас на неудобства, лишения, трудности, истощает ваш кошелек, отнимает здоровье, и преждевременно сводит в могилу. Только очень немногие исключительные натуры способны вынести тяготы семейной жизни без ущерба для себя, и уж совсем редко брак приносит удовольствие мужчине.

Вид на королевский дворец Уайт-холл со стороны Темзы.
Неизвестный художник.

Разберем подробно, к каким последствиям приводит женитьба. Первое: вы пускаете в свою жизнь, в свой дом и даже в свою постель совершенного чужого вам человека. Что вас может объединять с этим существом, кроме зова плоти? Очень мало или вовсе ничего! Пока вами владеет страсть, вы этого не замечаете, но когда она начинает ослабевать, боже мой, какой ужас, какое отвращение вызывает в вас женщина, с которой вы связаны брачными узами! Обязательно окажется, что ваша избранница имеет массу неприятных привычек, о которых вы и не подозревали. Она может храпеть, лягаться во сне, ложиться поперек кровати, сбрасывать одеяло на пол или стягивать его с вас, кричать посреди ночи от кошмарных снов, – а я уж не говорю о привычках, рожденных плохим воспитанием, неряшливостью, небрежностью, отсутствием хорошего вкуса! Готовы ли вы выносить подобное изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, всю вашу жизнь?..

Второе: женившись, вы добровольно обрекаете себя на совместное существование с человеком, который не способен понять вас, и которого вы понять не сможете. Свойства женского и мужского ума настолько различны, что взаимопонимание между женщиной и мужчиной невозможно. А где нет понимания, там возникают скандалы, которые являются такой же неизбежной и естественной принадлежностью семейной жизни, как ночной горшок! Ваша жена будет, как заправский слесарь, сверлить, точить и пилить вас; как пекарь, допекать и поджаривать вас; как лекарь, колоть и резать по живому, – одним словом, она с таким искусством будет

наносить удары по вашим ранам, что долго вы не протянете. Клянусь Самсоном, женщины лишили жизни больше мужчин, чем все войны на свете со времен Адама и Евы!..

Третье: надев венец Гименея, вы станете посмешищем для всех ваших знакомых, и виной тому будет ваша жена. Если она окажется порядочной женщиной, то свое постоянство она выместит на вас. Ее требования будут безграничными: вы должны будете в благодарность за ее порядочность проводить все свое свободное время с женой, развлекать ее, терпеливо выслушивать ее бредни, моментально исполнять ее прихоти, потакать всем ее безумным желаниям, тратить по ее усмотрению ваши деньги – и еще многое, многое и многое она потребует от вас! Причем, поверьте мне, женщины умеют добиваться своего куда лучше мужчин, – вы даже не представляете, сколько у них в арсенале безотказных средств для этого. Вы сами не заметите, как станете подкаблучником, и над вами будут потешаться все, кто вас знает.

Еще хуже, если вы свяжете свою жизнь с непорядочной женщиной, что более чем вероятно. Ваша честь будет опорочена, ваше достоинство попрано, ваше доброе имя смешано с грязью. И не ждите, что ваша жена станет испытывать хоть малейшие угрызания совести, что ее будет мучить чувство стыда; она найдет тысячи убедительных причин, по которым она вправе поступить по отношению к вам подлецим образом, и тысячи оправданий для своего мерзкого поведения. Она станет обманывать вас с необыкновенной искренностью, и в манерах ее вы не обнаружите фальши, потому что нет никого правдивее лживой женщины.

Однако шила в мешке не утаишь, и рано или поздно вы узнаете о ее похождениях – разумеется, она скажет вам, что вы сами во всем виноваты, обольет вас помоями и закидает камнями. И как бы вы не поступили после этого, издевательский смех общества будет преследовать вас всю оставшуюся жизнь, ибо слухи о вашем позоре непременно просочатся сквозь стены вашего дома, а для общества нет более веселой темы для разговора, чем рассказ об обманутом муже.

Вот и подумайте, сэра Джон, подумайте хорошенько, надо ли вам губить свою жизнь супружеством?

– Да вы женоненавистник, дядя! Я и не подозревал, что вы так не любите женщин! – Джон рассмеялся, впрочем, с некоторой натянутостью.

– Я женоненавистник? Я не люблю женщин?! Да я не мыслю своего существования без женщин: я существую, пока они у меня есть! – с возмущением воскликнул сэра Френсис.

– Но, судя по вашим поучениям, этого не скажешь, – Джон отпил глоток вина из своего бокала, продолжая искоса поглядывать на юную девушку, сопровождаемую ее отцом.

– Я всего лишь предостерег вас от ада супружества, но мог ли я возвести хулу на женщин! – возразил сэра Френсис, подав знак слуге, чтобы тот еще раз наполнил его стакан. – Я люблю их всех и всяких – блондинок и брюнеток, шатенок и рыжих; высоких и миниатюрных, пышных и худых; умненьких и глупеньких, говорливых и молчаливых! Мне приятно с ними общаться, мне легко с женщинами; я люблю их непринужденную болтовню, и дружеские откровения, и легкий флирт, и нежные признания, и бурные порывы страсти. А милые очертания их очаровательных лиц, а пленительные изгибы женского тела! Как красиво женское тело; оно божественно, в нем воплотилось совершенство!.. Любите женщин, молодой человек, любите их, – и жизнь ваша будет яркой и полной!..

Самое же главное, берегите себя, цените себя, старайтесь не огорчать себя ничем, докажите, что Господь не зря извлек вас из бесконечного небытия и дал вам возможность пожить в этом прекрасном мире. И тогда, перед тем, как опять уйти в бесконечность, вы сможете сказать: «Господи, как ты был прав, что выбрал меня для этой жизни, и как я благодарен тебе за это! Надеюсь, что я не разочаровал тебя, Господи, а уж ты-то точно меня не разочаровал!..».

Вы молоды, у вас все впереди; как я завидую вам! Но ради Бога, не разочаруйте меня, даже когда я уже буду в могиле, – ваше веселье здесь развеет мою скуку там. Частица меня останется в вас и будет наслаждаться земными радостями вместе с вами!

* * *

Генрих вел Энни по длинным коридорам дворца. Лицо короля было красным от выпитого вина, а помутневший взгляд торопливо перебегал с одного укромного уголка на другой.

– Ваше величество, не надо. Не сейчас, ваше величество, – чуть не плача, шептала Энни, пытаясь вырвать свою руку из потной ладони короля, но Генрих не внимал мольбам. Тяжело дыша, прихрамывая на левую ногу, он тащил Энни едва ли не волоком, заглядывая в каждую комнату, встречающуюся на пути.

Дворец был переполнен гостями сегодня. В залах шла большая игра в карты и в кости, в которой с одинаковым азартом участвовали мужчины и женщины, а в комнатах, в темных переходах и коридорах, – одним словом всюду, где только было возможно, – разгоряченные парочки воздавали с не меньшим азартом дань любви. Но это было бы ничего, – личные апартаменты короля уж наверняка никто не занял, – но среди дворян находились такие умники, которые, завидев Генриха с леди Энни без свиты, тут же предлагали королю себя в сопровождающие. Генрих вначале отвечал вежливым отказом, потом перешел на отрывистое «нет», а после начал рычать на чересчур услужливых джентльменов.

Наконец, обливаясь потом, он дотащил свою спутницу до самого входа в заветные королевские покои, и тут, у дверей, откуда-то возник плюгавый, сильно нетрезвый джентльмен с козлиной бородкой. Задыхаясь от восторга, он тонким фальцетом пропищал:

– Позвольте сопроводить вас, ваше величество!

– Пошел вон, идиот! – рявкнул на него Генрих так громко, что эхо от королевского голоса разнеслось далеко по залам. Плюгавый моментально исчез, а Генрих, не выпуская руку Энни, ввалился в свои апартаменты, строго приказав гвардейцам у дверей, чтобы никого к нему не пускали.

– Лучше было бы сразу выгнать кого-нибудь из ближних комнат, чем тащиться в другой конец дворца, – ворчал Генрих, усаживая Энни на золоченную бархатную скамью. – Да ведь пришлось бы ставить стражу на входе, иначе каждую минуту нам могли бы помешать.

– Ваше величество... Генрих... Позвольте мне уйти, – Энни, встревоженная и смущенная, попыталась встать.

– О нас болтают бог знает что, а я еще ни разу не держал вас в своих объятиях, – недовольно сказал Генрих, усаживаясь напротив нее и делая ей знак, чтобы она продолжала сидеть.

– До нашей свадьбы осталось совсем немного времени. Подождите, Генрих, – Энни умоляюще посмотрела на него.

– Подождите? Да я ждал уже целую вечность! Ждал решения парламента, решения папы, ждал, когда уедет Екатерина, – дело слишком затянулось. Нет, больше я не хочу ждать; вы прекрасно понимаете, Энни, что свадьба состоится в любом случае, никто и ничто теперь не в состоянии помешать ей. Однако эти приготовления... Судя по всему, они продлятся до зимы, черт возьми! Я не могу столько быть без вас, я вас люблю, я сгораю от страсти, – Генрих поднялся и подошел к Энни.

– Государь! Прошу вас! Генрих! – она беспомощно оглянулась на двери.

Не обращая внимания на ее сопротивление, король заключил Энни в свои тяжелые объятия и впился поцелуем в ее губы. Она хотела оттолкнуть его, но Генрих, не давая ей вырваться, опустил ее на медвежью шкуру, лежащую на полу, и сам навалился сверху, придавив Энни тяжестью своего тела.

– Боже мой! Не надо! Ваше величество! – заплакала она, но Генрих не желал отступить: он торопливо развязывал и рвал шнурки ее платья.

– Генрих! – отчаянно воскликнула Энни, и еще раз попыталась вырваться, когда король привстал, чтобы расстегнуть свои штаны.

– Люблю тебя, – ответил Генрих, опустившись на нее, и через несколько минут она вскрикнула, а он с придыханием сказал: – Девственница! – и прибавил: – Была...

Часть 7. Реформы и казни

Сэр Джеймс излагал королю план первоочередных реформ.

– Церковная собственность должна перейти под управление вашего величества; монастырское землевладение следует упразднить, а заодно и сами монастыри как совершенно бесполезные и неестественные образования. Землю крестьянских общин, приносящую смехотворно низкие доходы, также необходимо использовать более рационально. Для осуществления всех этих целей, государь, мы наметили состав Особого Комитета, который будет действовать под руководством сэра Арчибалда.

– Да, да! Вы правы, – кивал Генрих, вспоминая ночные часы, проведенные с Энни; он взял ее трижды, прежде чем она ушла от него.

– К сожалению, какое-то количество крестьян лишится своих земельных наделов и, соответственно, нарушится традиционный способ жизни поселян, но без этого никак нельзя обойтись, – продолжал сэр Джеймс. – Когда идет строительство в обжитом месте, то приходится решительно ломать старые обветшалые здания, чтобы построить новые, гораздо более удобные. Возможно, что кое-кто возропщет, но потом все привыкнут к обновлению, и сами будут рады ему. А что касается тех, кто не привыкнет, то некоторая убыль населения пойдет на пользу нашей стране...

Следует заметить, ваше величество, что Особый Комитет намерен содействовать развитию ремесла и торговли в королевстве; таким образом, крестьяне не останутся без средств к существованию, – у них появится возможность трудиться на производстве, не беспокоясь ни о капризах погоды, ни о состоянии урожая, ни о здоровье домашнего скота. Счастливая и беззаботная жизнь ожидает их: хозяин возьмет на себя всю ответственность за дело, а им останется только получать деньги. Конечно, за эти деньги им нужно будет работать, как следует, но разве и все мы, начиная с вашего величества, не работаем напряженно во имя процветания нашей страны?

Если же человек не хочет в поте лица своего добывать хлеб свой, то он нарушает законы и божеские, и человеческие. С такими людьми надо беспощадно бороться: по нашему мнению, государь, было бы очень неплохо принять законы, сурово карающие бездельников и бродяг. Наверно, сколько-то тунеядцев придется повесить, но зато остальные после этого приучатся к труду и будут довольны своим положением.

Мы произвели подсчеты, не оставляющие сомнений, что доходы государственной казны существенно увеличатся в результате осуществления тех мер, о принятии которых я нижайше прошу вас, государь. Возрастет и благосостояние ваших подданных, а значит, они будут платить вам еще больше налогов. Оживление и рост ремесла, торговли, финансовых операций приведут к невиданному в истории подъему нашей страны, – и я глубоко убежден, что в недалеком будущем сам император не сможет тягаться с нами!

– Ну уж! – хмыкнул Генрих. – Тут вы хватили лишку, милорд! Империя огромна и могущественна, нашему маленькому королевству тяжело тягаться с ней.

– Ваше величество! Когда вы увидите, как в скором времени преобразится ваше государство, вам не покажутся забавными мои прогнозы, – склонился перед королем сэр Джеймс.

– Хорошо, посмотрим, – пробормотал Генрих.

– Следует ли понимать ваши слова в том смысле, что вы одобряете проект реформ? – спросил сэр Джеймс.

– Да, одобряю, – сказал Генрих, зевая.

– В таком случае, позвольте мне завтра представить вам на утверждение список членов Комитета, а также первый пакет законов, необходимых для проведения реформ, – сэр Джеймс вкрадчиво взглянул на короля.

– Завтра? Так быстро?

– Зачем медлить с хорошими начинаниями, которые на века прославят имя вашего величества, – льстиво произнес сэр Джеймс, склонившись перед королем до пола.

– Но вы забываете, что эти законы надо еще обсудить в парламенте, – напомнил ему Генрих.

– О, ваше величество, после того, как из парламента были выведены смутьяны, заговорщики и горлопаны, можно не сомневаться, что он быстро и без проблем примет любые законы, которые ваше величество сочтет нужным вынести на его обсуждение! – сэр Джеймс тонко улыбнулся.

– Вы правы. Впрочем, у меня и раньше не было особых проблем с ним, – заметил Генрих.

– Это еще раз доказывает мудрость вашего величества, – в третий раз склонился перед королем сэр Джеймс. – И в заключение разрешите пригласить вас сегодня в театр, – сказал он. – Мы подготовили сюрприз для вас, государь. Зная вашу любовь к театральному искусству, мы попросили актеров сыграть пьесу, в которой в аллегорическом виде представлена борьба старых и новых веяний в вашем королевстве.

– Вот как? – Генрих был приятно поражен. – А кто же автор пьесы?

Сэр Джеймс потупился.

– Неужели вы, милорд? – еще больше изумился король. – Вот уж никогда бы не подумал, что вы сочиняете пьесы!

– Только одну, и только для вас, ваше величество, – извиняющимся тоном произнес сэр Джеймс.

– Интересно посмотреть. Обязательно буду. Надеюсь, что и леди Энни составит мне компанию, – сказал Генрих.

– Однако прошу не судить меня строго, ваше величество. Я писал эту пьесу не на потеху публике, а исключительно в назидательных и познавательных целях, – пояснил сэр Джеймс.

– Интересно посмотреть, – повторил Генрих, давая понять, что аудиенция закончена.

* * *

Один из пустырей на берегу реки уже давно был отведен под постройки, необходимые для постановки театральных спектаклей. Правильный прямоугольник расчищенной от мусора территории со всех сторон огородили высоким забором, к внутренней стороне которого пристроили высокие ложи для знатных господ, закрытые дощатыми навесами и отделенные друга от друга столбами. Накануне представлений ложи украшались пестрыми занавесями и лентами, а внутри устанавливались скамьи, стулья или кресла в зависимости от ранга персон, занимавших эти ложи. Публика попроще сидячих мест не имела, – для нее была предназначена площадка под открытым небом, находившаяся перед сценой. Сама сцена также не имела крыши, лишь в дальнем углу ее был небольшой сарайчик, в котором актеры переодевались и ждали своего выхода во время спектакля.

В день, когда давалась пьеса сэра Джеймса, театр был переполнен. Успех спектакля был предрешен еще до его начала: одно только присутствие короля и леди Энни уже привлекло сюда многочисленную публику. И погода благоприятствовала представлению: августовский вечер был тихим и теплым, безоблачное небо окрасилось разноцветными красками – от ярко-красных и багровых на западе до темно-синих и фиолетовых на востоке.

Ложи были наряжены и освещены; наряднее и ярче всех была, естественно, королевская ложа, первая у сцены. Все взоры были прикованы к ней. Король, как будто немного похудевший, с коротко подстриженной бородой, выглядел моложе своих лет, а леди Энни, напротив, казалась старше, чем она была в действительности. Лицо Энни было изможденным и осунув-

шимся, глаза впали, и весь вид ее был подавленным. Несмотря на то что король относился к ней с необыкновенной нежностью и вниманием, она ни разу не улыбнулась ему.

Помимо короля и леди Энни всеобщее внимание привлекал сэр Джеймс. Он сидел в соседней ложе, и к нему постоянно поднимались люди, пользующиеся влиянием в государстве, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Сэр Джеймс отвечал им невпопад; он был очень рассеян и часто посматривал на сарайчик, откуда с минуты на минуту должны были появиться актеры. Не было никакого сомнения в том, что сэр Джеймс нервничал и переживал, как любой автор, в первый раз выставяющий свое произведение на суд публики.

Но вот раздался звук трубы, заставивший зрителей замолчать и повернуться к сцене. Там появился отряд трубачей, барабанщиков, литавристов и флейтистов. Маршевым шагом подошли они к краю сцены и так дружно грянули в свои инструменты, что у зрителей заложило уши. Сыграв с той же оглушительной силой всю свою бурную увертюру, музыканты застыли в картинных позах: одни, – подняв барабанные палочки вверх, другие, – приставив трубу к ноге, третьи, – упершись флейтой в грудь, а четвертые, – сдвинув литавры перед собой.

Вперед вышел старый заслуженный трагик, известный придворной публике исполнением роли Философа на королевской охоте осенью прошлого года, и зычным, хорошо поставленным голосом произнес:

– По милостивому разрешению его величества короля поставлена эта пьеса. Да славится его имя, да поможет ему Бог во всех его делах, да продлятся годы жизни его подобно мафусаиловым годам!

Люди в театре бешено захлопали в ладоши, а все сидевшие в ложах поднялись и, тоже не переставая хлопать, поворотились к королю. Генрих, широко улыбаясь, чуть-чуть склонил голову, благодаря своих подданных за приветствие. Овация продолжалась долго, пока король не махнул рукой актерам, дабы те начали спектакль.

Музыканты ушли. На сцену выбежал комик, одетый шутом. Гримасничая и паясничая, он с хохотом прокричал:

– Пьеса! «Косность и Новаторство»! Сочинение нашего уважаемого и достопочтенного сэра Джеймса! Вначале на сцену выйдет Косность, затем Новаторство, и после Разум со своими слугами. Аллегория на современную тему! Внимайте, внимайте, внимайте!

Перекувырнувшись несколько раз через голову, комик подхватил длинную палку с тряпичным шаром, увешанным колокольчиками, ударил себя этим шаром по лбу и скрылся в сарае.

Зрители снисходительно захлопали. На сцене появился актер, одетый в старомодную поношенную одежду, которая была ему велика размера на четыре, причем, каждая из принадлежностей его костюма была сшита так, что являлась пародией на саму себя. Актер изображал Косность. Заунывным голосом он прочел свой монолог, в котором говорилось, что старое всегда лучше нового, и поэтому надо держаться старых порядков.

При последних словах Косности из сарайчика вышел артист, играющий Новаторство. На нем была одежда светлых тонов, ладно пригнанная к его стройной фигуре. Обращаясь к Косности, он, в свою очередь, произнес монолог, где утверждалось, что без нового жизнь остановится, и поэтому новые порядки необходимы.

Затем Косность и Новаторство поспорили между собой, но их спор был прерван появлением Разума, который неопровержимыми доводами доказал правоту Новаторства, после чего слуги Разума схватили Косность и унесли со сцены под свист и хохот публики.

В заключение Разум обратился к зрителям, убеждая их не верить тем, кто убеждает в святости старых порядков, и призывая прислушаться к его голосу.

Генрих сделал вид, что аплодирует; вслед за ним, как водится, и публика поощрила артистов аплодисментами.

Но здесь случилось непредвиденное: откуда-то сверху вдруг посыпались какие-то листки. К ужасу публики на них был изображен король в сатанинском обличи, вокруг него – целый сонм чертей, в которых можно было легко узнать сэра Джеймса, сэра Арчибальда и других приближенных его величества, а над ними был нарисован грозный лик Христа с надписью «Аз воздам».

Один из этих мерзких листков упал прямо в королевскую ложу. Генрих, рассмотрев его, побагровел, зато на лице леди Энни впервые за все время представления промелькнула улыбка.

– Что это такое?! – прорычал Генрих, глядя на перепуганных насмерть актеров. – Что происходит у вас в театре?

– Это не мы, ваше величество. Мы не виноваты. Богом клянемся! – залепетали Косность, Новаторство и Разум, в один миг превратившись в большой триединый Испуг.

– Они не виноваты, ваше величество, – поддержал актеров сэр Джеймс, нервно дергая свою бородку. – Это происки наших врагов.

– Это уж слишком! – раздался страшный голос Генриха в полной тишине театра. – Схватить виновников! Где же мастер Хэнкс, черт возьми?

– Я не видел его, ваше величество. С вашего позволения должен сказать, что он в последнее время пренебрегает своими обязанностями, – ответил сэр Джеймс.

– Пренебрегает? Хэнкс? – Генрих недоверчиво посмотрел на сэра Джеймса.

– Посудите сами, ваше величество, – заторопился тот, боясь, что его не дослушают. – Немалое количество людей выступили против ваших реформ, однако арестовано лишь несколько человек. Главный организатор и зачинщик недовольства сэр Томас содержится в тюрьме в комфортных условиях, имея возможность сноситься со своими сторонниками на свободе, и, что удивительно, мастер Хэнкс все еще не предоставил суду необходимые доказательства, обличающие преступника. Я уверен, что и сегодняшняя, возмутительная по дерзости выходка была организована приспешниками сэра Томаса! При этом мы, как ни странно, не видим здесь ни мастера Хэнкса, обязанного присутствовать на подобных мероприятиях по долгу службы, ни его сотрудников.

– Найдите его! Я настоятельно прошу вас об этом, – мрачно сказал Генрих. – Потребуйте у него объяснений, и после доложите мне. Сам я не хочу его видеть. Какая возмутительная беспечность! И напомните ему, что обвинительные материалы на сэра Томаса должны быть в ближайшие дни переданы в суд.

– Я не намерен потакать возмутителям спокойствия; так недолго дойти и до всеобщей смуты! – Генрих снова возвысил голос, чтобы его слышали все находящиеся в театре. – Оскорбление короля – это первый шаг к подрыву государственной власти, и поэтому подобные деяния следует расценивать как тягчайшее государственное преступление. И пусть не ждут пощады, дерзнувшие на такое!.. Пойдемте, дорогая, – прибавил он уже иным, ласковым и заботливым тоном, подавая руку Энни. – Вы не испугались, моя милая? Простите своего Генрих за то, что он невольно причинил вам неприятности!

– О, нет, ваше величество, я не испугалась! – ответила она, пряча улыбку. – Да, и какие же, помилуйте, неприятности вы мне причинили?..

* * *

Сэр Джеймс скоро убедился, что невозможно найти мастера Хэнкса, когда тот не хочет, чтобы его нашли. Никто из придворных, включая членов Королевского Совета, не имел ни малейшего представления, где может находиться мастер Хэнкс. Сэр Джеймс пытался разузнать о его местопребывании у работников секретной службы, но они клятвенно убеждали лорд-канцлера, что понятия не имеют, где сейчас может быть их шеф. Ни угрозы, ни подкуп абсолютно на них не действовали, и сэр Джеймс вынужден был отступить.

Вернувшись домой поздно ночью, он удрученно раздумывал над тем, что скажет завтра королю.

– Вас ожидают, – сообщил сэру Джеймсу его секретарь Джонс.

– Мне только гостей не хватало, – с раздражением сказал сэр Джеймс. – Ну и денек выдался! Поди, какой-нибудь дурак приехал выразить мне сочувствие в связи с провалом моей пьесы. Как вы посмели пустить чужого человека в такое время?

– Простите, милорд, но я не мог не пустить его. Это мастер Хэнкс, – ответил Джонс, и голос секретаря затрепетал.

– Хэнкс? – сэр Джеймс вытаращил глаза. – А я его разыскиваю. Вот удача! Где он?

– В малой гостиной.

– Очень хорошо. Проследите, чтобы нам никто не мешал.

– Прикажете распорядиться об ужине на двоих, милорд? – спросил Джонс.

– Ни в коем случае! Хэнкс не относится к числу моих друзей, да и в свой дом я его не приглашал, – сказал сэр Джеймс, направляясь в малую гостиную.

Мастер Хэнкс поклонился ему:

– Позвольте выразить вам мое почтение, господин лорд-канцлер. Извините, что приехал в ваш дом в столь поздний час незваным гостем.

– Пустяки, – сэр Джеймс опустил в кресло, но Хэнксу не предложил присесть. – А я ведь искал вас, мастер Хэнкс! Вам, наверно, передали? – сэр Джеймс испытующе посмотрел на него.

Томас Кромвель, первый советник Генриха VIII и глава его секретной службы.
Художник Г. Гольбейн.

– Я лишь час назад прибыл в столицу из провинции. Мне сообщили, что вы меня разыскивали, – невозмутимо ответил Хэнкс.

– Так вы были в провинции? Вот оно что! Что же, вы допустили непозволительное упущение: пока вы наслаждались там видами природы, на короля было совершено покушение, – трагически произнес сэр Джеймс.

– Вы, видимо, говорите об эпизоде в театре? – спокойно уточнил Хэнкс.

– Вам и это уже известно? Если бы ваши люди также хорошо работали, как доносят вам обо всем, что происходит в домах уважаемых джентльменов, то не позволили бы злоумышленникам оскорбить его величество, – ехидно заметил сэр Джеймс.

– Доносить – тоже входит в их обязанности, – пояснил Хэнкс, по-прежнему сохраняя полное спокойствие.

– Возможно. Но все-таки их основная обязанность это охранять и защищать его величество, поэтому случай в театре может быть прямо поставлен им в вину, – и вам, естественно, как их непосредственному руководителю. Король ждет ваших объяснений, мастер Хэнкс. Сам он не хочет вас видеть, и поручил мне выслушать вас, – сэр Джеймс надменно выпрямился в кресле.

– Уважая волю его величества, я с тем и приехал в ваш дом, чтобы дать разъяснения по поводу сегодняшнего происшествия, – склонил голову Хэнкс.

– Что? Вы и про поручение короля уже знаете? Поразительно! Вам известно про все... – сэр Джеймс сделал паузу – Кроме того, что вам надлежало бы знать. Итак, я вас слушаю, мастер Хэнкс. Каковы ваши оправдания?

– Пусть его величество решит – оправданием или разъяснением можно назвать то, что я скажу. Впрочем, не смею дольше занимать ваше внимание ненужными словопрениями, господин лорд-канцлер, и перехожу к сути дела, – взгляд Хэнкса вдруг потяжелел и сэр Джеймс как-то сразу обмяк и съехался в своем кресле. – Вы спрашивали, почему меня не было в городе во время инцидента в театре? На то есть две взаимосвязанные причины. Первая – я был занят раскрытием заговора, настоящего заговора, заметьте эти слова. Некий монах Бенедиктус, доверенное лицо нашей бывшей королевы, пытался поднять на выступление крестьян из земель крупного аббатства в окрестностях Лондона. Земли этого аббатства согласно указу короля переходят под власть государя, да и само оно скоро будет закрыто. Недовольные монахи подняли крестьян, в свою очередь недовольных потерей своих земельных наделов. Мятеж был хорошо организован и спланирован, за ним чувствовалась чья-то сильная воля и незаурядный ум. К счастью, нам удалось предотвратить бунт. Не буду вдаваться в ненужные, утомительные для вас подробности, но отмечу, что Бенедиктус, арестованный нами, был связан со многими влиятельными людьми за границей, желающими ослабления нашего государства и даже свержения его величества, нашего короля.

Теперь о второй причине. Вы упрекаете меня в том, что я, уехав из столицы, оставил королевскую особу без надлежающей охраны? Это неправда. Короля охраняли самым тщательным образом: мои люди неотступно, хотя и незаметно следовали за ним. Его величеству ровно ничего не угрожало; тем более что злоумышленники, дерзнувшие на оскорбление государя в театре, были нам хорошо известны, и как я убедился, совершенно не опасны для короля.

– Я не понимаю вас, – перебил его сэр Джеймс. – Вы, что же, знали о готовящемся преступлении?

– Вы правильно меня поняли, милорд. Я знал о нем, – кивнул Хэнкс.

– И вы не предотвратили его? – сэр Джеймс даже встал с кресла.

– Не только не предотвратил, но создал все условия, чтобы происшествие в театре смогло случиться, – ответил Хэнкс, сохраняя все тот же тон.

– Вы, должно быть, шутите, мастер Хэнкс! – воскликнул сэр Джеймс. – Но если это правда, вы – соучастник преступления, и вас следует немедленно заключить под стражу за оскорбление королевского величества!

– Не торопитесь, господин лорд-канцлер, дослушайте меня до конца. Те люди, которые нарисовали картинки, порочащие государя, а потом разбросали их во время театрального представления, уже находятся в тюрьме. Да, Бог с ними, они просто безобидные идеалисты, решившиеся на такой шаг от собственной беспомощности! Важно другое: в результате их отчаянного поступка мы получили возможность разом покончить с недовольством политикой короля.

Проследите за сплетением получившейся цепочки: заговор Бенедиктуса, возможность мятежа, попытка дискредитации королевской власти, – а за этим стоят внутренние и внешние враги нашего государства. Опасность велика, и мы вправе прибегнуть к самым жестким и решительным мерам. Оскорбление короля вызовет гнев и возмущение всех его добрых подданных, которые, безусловно, с пониманием встретят законное возмездие, постигнувшее врагов его величества и нашего государства... Достаточно ли ясно я сказал? Так кто же я, по-вашему, соучастник преступления или верный слуга короля? – Хэнкс смотрел на сэра Джеймса.

– Однако вы должны были предупредить его величество, – смутившись, пробормотал сэр Джеймс.

– Я бы это сделал, если бы был уверен, что государь сможет сдержать себя и не отменит представление в театре.

– Хорошо, я передам ваши объяснения его величеству, – неприязненно проговорил сэр Джеймс. – Но за вами есть еще одна провинность: король просил вас напомнить, что вы до сих пор не собрали обвинения против сэра Томаса. Его величество требует, чтобы сэр Томас в ближайшие дни предстал перед судом.

Лицо мастера Хэнкса стало угрюмым.

– Скажите государю, что его приказ будет исполнен. Сейчас сэра Томаса легко можно будет обвинить в связях с заговорщиками, – сказал он. – А что, милорд, ловко у вас получилось с леди Энни, не так ли? – вдруг после паузы спросил Хэнкс, с презрением посмотрев на лорд-канцлера.

– Да как вы смеете? – побледнел от возмущения сэр Джеймс.

Хэнкс опустил в кресло напротив него и продолжал:

– Я говорю, что ваши друзья очень ловко, и главное, в нужный момент подсунули королю эту молоденькую леди. Признайтесь мне по совести, сэр Джеймс, я никому не расскажу, у кого возник такой замечательный план: у вас или у ваших покровителей за пределами нашего королевства?

– Вы забываетесь, Хэнкс! – с ужасом закричал лорд-канцлер.

– Т-с-с! Не нужно кричать, еще подслушает кто-нибудь, – сказал Хэнкс. – Можно ли поверить, что столь значительные реформы, которые вы проводите сейчас, не были подготовлены заранее? А деньги, которые вы получаете в результате их проведения? Огромные суммы! Трудно представить, что ими будете распоряжаться только вы и ваши приятели из окружения сэра Арчибальда.

– Ну, знаете! – выдавил сэр Джеймс, потерявшись от негодования.

– Знаю, сэр, знаю. Я всегда знаю то, о чем говорю, – Хэнкс распустил верхние шнурки камзола и достал из-за пазухи маленький плотный листок пергамента, весь испещренный записями. – Ваш Особый Комитет официально еще не существует, но вам уже удалось продать с молотка имения четырех монастырей и земли тридцати трех крестьянских общин; вы и ваши приятели получили патент на открытие восьми финансовых контор и тринадцати мануфактур, причем, шесть контор и девять мануфактур уже действовали к моменту получения разрешения на их открытие. В прошлом месяце вы сумели перевести на свое имя серебряный рудник, принадлежавший казне, а поскольку закон запрещает отдавать серебряные копи в частные руки, то эта сделка была оформлена как продажа месторождения глины. Почти одновременно сэр Арчибальд присвоил себе три суконные мануфактуры, которые тоже были собственностью королевской казны, – а для этого ваш друг представил дело так, как будто скупает убыточные предприятия, разоряющие казну. Список ваших махинаций может быть продолжен; я читаю по своим записям первое, что мне попало на глаза... А неуплата налогов вашими друзьями из Комитета? Судя по подготовленным вами бумагам, вы заплатите впятеро меньше, чем должны.

– Уж этого вы знать не можете, – слабо возмутился растерянный и потрясенный сэр Джеймс. – Срок уплаты налогов еще не подошел.

– От того я с вами и говорю об этом здесь и сейчас, что вы еще не заплатили, и, таким образом, не успели совершить преступление. Когда вы обманете королевских фискалов или подкупите их, тогда уже будет поздно, тогда надо будет применять к вам карательные меры – сказал Хэнкс с отеческим участием.

Однако и на сегодня ваши провинности перед королем чрезвычайно велики, – продолжал Хэнкс, не сводя взгляд со своего собеседника. – Вы и ваши приятели нанесли значительный ущерб казне его величества, а король этого не прощает. вспомните судьбу одного из ваших предшественников на посту лорд-канцлера: он тоже присвоил себе немного денег из казенных средств, – действительно немного, значительно меньше, чем вы, – и что же? Его отрубленная голова была воткнута на кол на мосту для назидания всем тем, кто захочет последовать примеру этого господина.

Вы понимаете, надеюсь, что если я покажу королю вот этот листок, то не пройдет и двух недель, как и ваша голова, и не менее благородные головы ваших друзей украсят собой все тот же мост? Прошу вас заметить, на всякий случай, что моя внезапная смерть или исчезновение только убыстрят процесс такого украшения моста, так как подробное описание ваших торгово-финансовых операций немедленно попадет в руки его величества сразу же вслед за моей кончиной или пропажей.

Сэр Джеймс, белый, как снег, безмолвно взирал на Хэнкса с тем выражением мольбы и отчаяния, с которым ребенок смотрит на отца, собирающегося наказать его.

– Но я не стану расстраивать его величество, не буду передавать ему компрометирующие вас данные, если вы перестанете выкачивать деньги из нашего королевства, – после долгой паузы сказал Хэнкс. – У меня тут записаны имена людей, которые в этом участвуют помимо вас, точно также как и имена тех, кто получает деньги, оставаясь за пределами нашего государства. Вы перекроете этот денежный поток, а я вам помогу в этом. Разумеется, вы вернете в казну все полученное вами незаконным образом и, конечно же, правильно будете платить налоги... Вы согласны? Отлично. Я, собственно, и надеялся на ваше благоразумие.

– А вам какая выгода? Лично вам? Я не понимаю, – пробормотал сэр Джеймс.

– Моральное удовлетворение. Оно так дорого стоит, что его нельзя купить. Я состою на службе его величества, я служу нашему государству, и для меня довольно сознания того, что я делаю это хорошо. Вам не удастся меня понять, и не старайтесь, у нас разные представления о жизни, – Хэнкс растянул губы в неестественной улыбке.

– Но почему вы готовы встать на нашу сторону? – продолжал недоумевать сэр Джеймс.

– Из двух зол выбирают меньшее, – а мне приходится выбирать даже из трех зол: вы, сэр Томас или монах Бенедектус. Я имею в виду не ваши персоны, как таковые, а те принципы, которые вы исповедуете.

Я поясню. Начнем с монаха Бенедектуса. Он воплощение фанатизма, неумной жадности власти, власти однобокой и изуверской. Пойдут ли принципы Бенедектуса на пользу нашей державе? Нет. Они отбросят ее назад... А сэр Томас? Что он принесет нам? Опасные мечты, красивые опасные мечты. Вера в добро, в благородство, в честность, вера в человека, – какая утопия! Вам-то не надо доказывать, что зло извечно торжествует над добром, а негодяи всегда берут верх над честными людьми. Так было, и так будет. И чем притягательнее идеи добра, тем большую силу они дают мерзавцам, которые спешат воспользоваться ими. Я не позволю нашему королевству соскользнуть в адскую бездну по дороге, выложенной благими намерениями.

Остаются вы. С вами все легко и просто; сильные выживают, слабые погибают, а добро и зло воспринимаются исходя из принципа личной выгоды – за вами будущее в нашем мире. Полагаю, вы добьетесь больших успехов, и постараюсь, чтобы ваши успехи стали залогом успеха державы, или вас заменят другие. Желающих много.

Простите меня за дерзость моих слов, господин лорд-канцлер, – сказал еще мастер Хэнкс, поднимаясь с кресла и кланяясь. – Но разрешите повторить вопрос: кто, все-таки, надумал свести леди Энни с королем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.